

ЛЕНА ОБУХОВА

НАГРАДА
ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

КНИГА ПЕРВАЯ: ШЕПОТ ВЕТРА

Елена Александровна Обухова
Награда для генерала.
Книга первая: шепот ветра
Серия «Награда для генерала», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42317719

Аннотация

Ветер как-то нашептал мне, что однажды появится человек, который изменит мою жизнь и увезет далеко-далеко от дома, где я уже несколько лет не чувствовала себя счастливой. Кто же знал, что этим человеком окажется генерал чужой армии, который подчинит наш вольный город, а меня заберет в качестве подарка своему правителю. Что ждет меня в чужой стране? Унижение? Бесчестие? Смерть? Или ветер подскажет, как выпутаться из этой ситуации с минимальными для себя потерями?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	41
Глава 4	53
Глава 5	63
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Лена Обухова

Награда для генерала.

Книга первая: шепот ветра

Глава 1

Еще утром ветер нашептал, что сегодня случится нечто необычное и очень важное для меня. Я выбежала на улицу с влажной тряпкой и маленькой стремянкой, чтобы протереть вывеску перед открытием, как делала каждый день, поленившись сунуть ноги в теплые сапоги.

Приближалась весна. По календарю она началась еще накануне, но улицы пока оставались завалены снегом. Солнце поднималось поздно, по крайней мере, позже, чем люди вроде меня, и ветер, приходящий с востока, со стороны далекой Красной Пустыни, пронизывал холодом, как и любой другой. Но лишь этот ветер время от времени шептал, предсказывая будущее.

Стоило выскочить на улицу, как тело тут же покрылось мурашками, влажная тряпка в руке стала ледяной, а ногой в туфле на низком каблуке я умудрилась задеть сугроб – и снег тут же засыпался внутрь, чулок промок. Тихо выругалась, попеняв себя за лень – вот чего стоило переобуться? –

и торопливо влезла на стремянку, чтобы дотянуться до круглой вывески, на которой была изображена чашка с поднимающимся над ней паром. Пар волшебным образом складывался в зернышко какао, оповещая всех потенциальных клиентов о том, что здесь находится не обычное кафе, а шоколадница.

Вот когда я потянулась вверх, одной рукой держась за вывеску для равновесия, а второй торопливо протирая ее, резкий порыв ветра подхватил расклешенный подол платья, непристойно взметнув его, и послышался тихий шепот. Он обещал, что грядет важное событие, которое навсегда изменит мою жизнь.

Я посмотрела по сторонам, убеждаясь, что это не чья-то злая шутка, что рядом никого нет. На востоке небо уже светлело, уличные фонари гасли, а город просыпался: рыбаки давно ушли в море, дворники и мусорщики заканчивали готовить улицы к новому дню, открывались кафе и лавки, спешили на фабрики рабочие. Скоро в школу побегут дети, откроются конторы дельцов и законников, рыбаки вернуться, и рядом с портом оживет рынок. Но пока улица, на которой находилось наше кафе-шоколадница, оставалась пуста, а рядом со мной никого не было. Лишь лохматый уличный пес с деловым видом обнюхивал сдувающийся под натиском теплений сугроб и помахивал коротким хвостом.

– Привет, Бардак, – поздоровалась я, спрыгивая со стремянки, чтобы погладить его.

Едва не поскользнулась, нелепо взмахнула руками, но устояла. А потому что нечего прыгать по еще не сошедшему снегу в домашних туфлях.

Бардак поднял голову, пытаюсь разглядеть меня сквозь закрывающую глаза челку, подергал носом и завил ял хвостом активнее, признав. Артист! Можно подумать, он случайно шел мимо и забрел ко мне без задней мысли, а не приходит каждое утро клянчить вкусняшку. Эта кудрявая лохматая дворняжка дважды в день обходила все лавки и кафе на нашей улице в поисках еды. Ее все знали и подкармливали. Главное – не пускать к себе, потому что в помещениях пес порой как с ума сходил. Бардаком его не случайно прозвали.

В шоколаднице собаке обычно нечем поживиться, но когда бывала такая возможность, то я приберегала для него кости, остающиеся от домашних трапез, или хотя бы хлеб. Однако сегодня был не день Бардака.

– Прости, приятель, – повинилась я, почесывая пса за ушами, – сегодня пропускаю. Сходи к господину Стилли, у него привоз, может, тебе перепадет что-то.

Бардак облизнулся, попытался вскочить на меня передними лапами, но я увернулась: не хватало идти переодеваться, а потом чистить рабочее платье. Сегодня я надела свое любимое – зеленое, с рукавами три четверти, расклешенной юбкой чуть ниже колена и плотно прилегающим лифом со скромным вырезом. Платье сейчас считалось любимым, потому что было совсем новым и красиво оттеняло доставши-

еся мне от матери каре-зеленые глаза.

Пес понял, что кроме ласки ему здесь сегодня ничего не светит, а потому, еще раз отершись о мои ноги, побежал к лавке господина Стилла, а я выпрямилась и снова задумчиво посмотрела на восток. Интересно, какие перемены сулил ветер? Хорошие или плохие? По его шепоту никогда не получалось понять наверняка.

– Эй, рыжая, лови!

Я обернулась как раз вовремя, чтобы перехватить летящую в меня свернутую трубкой газету и успеть погрозить мальчишке, развозившему почту на велосипеде, кулаком. Он только рассмеялся и прибавил хода.

– Я не рыжая, – обиженно пробормотала я, возвращаясь в кафе и переворачивая табличку «Открыто/Закрито» приглашающей стороной наружу.

Я упрямо считала, что цвет моих волос называется «золотистый каштан», но на солнце они действительно отливали рыжиной. Только сегодня солнце еще не встало, небо едва успело начать светлеть. День вообще обещал быть пасмурным. Как бы снова снег не повалил.

В небольшом, теплом и уютном помещении кафе умопомрачительно пахло шоколадными кексами. Я поторопилась вытащить их из духовки и заменить противнем с большим – размером с чайное блюдце – круглым печеньем с орехами и шоколадными каплями. Кексы оставила остужаться, а сама быстро взлетела на второй этаж, где находилась наша квар-

тирка, и положила газету на накрытый к завтраку стол. Отец давно был нездоров, часто плохо спал по ночам, а потому поднимался значительно позже, когда я уже принимала первых клиентов. Я оставляла ему завтрак и газету, кофе он варил себе сам.

Положив газету на стол, я успела зацепить взглядом заголовок: «Варнайский Магистрат грозит Ниланду войной». Вздохнула. Варнайский Магистрат всем грозил войной. Ему уже подчинились все территории на востоке вплоть до Красной Пустыни, и теперь его взгляд обратился на запад.

– Так они и до нас доберутся, – пробормотала я, возвращаясь вниз.

На самом деле я не думала, что это произойдет. Оринград – свободный город, окруженный с трех сторон очень сильными, но достаточно дружелюбными соседями. Нам позволяли сохранять независимость и сложившиеся веками традиции, а мы радостно торговали со всеми и давали Сиранской Республике, не имевшей собственного выхода к морю, без платы пользоваться портом. Сираны в свою очередь служили нам щитом, в том числе держали в порту военный флот, закрывая собой как с моря, так и с суши.

Мысли о возможности завоевания моментально вылетели у меня из головы, стоило оказаться внизу: первые покупатели уже толпились у витрин, облизываясь на свежую шоколадную выпечку.

День шел своим чередом. Первая волна клиентов – при-

слуга из богатых домов поблизости. Даже те, что содержали штат поваров, предпочитали к завтраку испеченные мной шоколадные кексы с жидким центром, если только хоть раз попробовали их. Вторая волна – спешащие на работу конторские служащие. Они брали печенье и иногда конфеты, которыми всегда были уставлены витрины шоколадницы. Третьими подтягивались любители прогуляться с утра по набережной, а потом зайти погреться и выпить чашку горячего шоколада. В основном это были немолодые женщины, которым брак обеспечил достойную старость, или редкие пожилые пары, сумевшие сохранить желание общаться и проводить вместе время. Потом наступало относительное затишье, позволявшее мне разогреть отцу обед.

Во второй половине дня моими клиентами становились в основном дети и их сопровождающие: у кого родители, у кого бабушки с дедушками, у кого гувернантки и няни. Ближе к шести вечера, когда заканчивалась последняя волна школьников, я обычно закрывала кафе, потому что держать его открытым по вечерам не имело смысла. Вечером спроса на шоколад почти не было, разве что в выходные и то не всегда.

По вечерам в городе пользовались спросом другие заведения. Я радовалась тому, что в свое время родители открыли не обычное кафе с едой и выпивкой. В шоколадницу, где и помещалось-то всего пять крохотных столиков, порой заглядывали дети с папашами, которые были не прочь «облапать»

взглядом люблюю молодую девицу. Но я точно знала, что никто не схватит меня за задницу и не заставит сесть себе на колени, как случилось в других местах. Это меня больше чем устраивало.

Лишь иногда я оставляла шоколадницу открытой чуть ли не до девяти часов. Когда требовалось пополнить запасы шоколадных конфет, например. Свежую выпечку я готовила каждый день, а конфеты – два-три раза в неделю, не чаще. Обычно перед выходными и сразу после них. Иногда, когда торговля внезапно шла очень хорошо, приходилось пополнять запасы посреди недели, чтобы витрины не стояли пустыми.

Порой я задерживалась внизу, оставляя свет включенным, а дверь открытой, потому что не хотела подниматься наверх. Предпочитала протирать столы, мыть полы и наводить порядок на полках здесь, внизу, а не в квартире. По вечерам отец спускался ко мне редко, и я могла работать в своем темпе, а то и просто сидеть, почитывая книгу. Наверху мне посидеть не давали, потому что всегда находилось какое-то дело. Отец не терпел лени, по крайней мере, не терпел он ее во мне. И всегда находил повод для упрека.

Поэтому раз или два в месяц, накрыв ему ужин, я сбегала вниз под предлогом уборки, ревизии или готовки впрок. Сегодня делать конфеты не требовалось, но предсказание ветра не давало покоя, а за весь день так ничего примечательного и не случилось. Поэтому я не торопилась закры-

ваться, предпочитая наводить порядок в витринах, расставляя нехитрый, но богатый ассортимент более соблазнительно, протирать столы и подготавливать ингредиенты, чтобы утром было проще.

Я ждала. Ждала чего-то важного, одновременно предвкушая и молча ругая себя за глупую доверчивость. В моей жизни за двадцать три года не случилось ничего по-настоящему хорошего. Стоило ли надеяться, что на этот раз будет иначе? Но что-то внутри все равно заставляло ждать чуда, несмотря ни на что. Как я ждала уже восемь долгих лет.

Впервые ветер нашептал мне предсказание, когда не стало мамы.

«Твоя судьба войдет после заката. Холодный огонь и обжигающий лед. Только ты сможешь дать ему то, что он по-настоящему хочет. Он уйдет, но после вернется, чтобы забрать тебя с собой. Навсегда».

Ветер шептал обещание, когда я сидела на резко обрывающемся вниз берегу, смотрела на порт и глотала слезы, зная, что навсегда осталась одна. Тянуло сигануть вниз, разбиться о камни и пойти вслед за мамой – единственной, кто меня любил. Лишь слова ветра удержали меня тогда. Обещание другой любви – так я тогда решила. Восемь лет я ждала исполнения обещания и сегодня, снова услышав шепот ветра, решила, что ожидание почти закончилось. Решила так не в первый раз и, наверное, не в последний.

За окном давно стемнело, а погода окончательно испор-

тилась: не желая смиряться с приходом календарной весны, зима закрутила метель. Я открыла дверь и выглянула на улицу. Злой ветер кружил мокрый снег, а тот превращался в ледяные капли, царапающие лицо. Улицы были пусты, лавки уже погасили свет, даже большая часть кафе на нашей улице закрылась: хозяева решили, что в такую погоду проще провести вечер с семьей, чем бестолково торчать внизу ради одного или двух случайных клиентов.

– Пора закрываться, Мира, – тихо сказала я себе. – Нечего ждать.

Открыла дверь, чтобы шагнуть обратно внутрь, перевернуть табличку и погасить свет, но в тот момент мимо пронесся грязный, мокрый, лохматый, кудрявый вихрь.

– Бардак! – крикнула я с отчаянием, кидаясь следом.

Пес остановился посреди зала, обернулся, сел и жалостливо посмотрел на меня, тихонько заскулив. В его глазах читалось: «Там холодно, мокро и мерзко, пожалуйста, можно я останусь?» На самом деле глаз я не видела из-за густой челки, но и так понятно, что в них написано.

Это была плохая идея. Оставить его в зале, значит, завтра встать на час раньше, чтобы убрать последствия. В кухню тем более пускать нельзя, как и в подсобку. На лестницу? Если он поднимется наверх – мне конец, отец убьет обоих.

Но выгнать живое существо в холодный снежный вечер рука не поднималась.

– Ладно, – вздохнула я, решив, что лестница – самый без-

опасный вариант.

В конце концов, если отец убьет меня, то некому будет готовить и убирать для него, как и работать в шоколаднице, которая нас кормит. Значит, есть шанс выжить. Отведя пса на лестницу и показав ему место, я твердо потребовала:

– Сиди здесь, никуда не ходи, иначе придется тебя выгнать.

Бардак лег и положил морду на вытянутые лапы, благодарно виляя хвостом и демонстрируя послушание. Интересно, надолго ли его хватит?

Как раз когда я задалась этим вопросом, в зале тревожно звякнул колокольчик, возвещающая о приходе посетителя. Я поторопилась вернуться в помещение кафе, но испуганно застыла на пороге, увидев, что в шоколадницу вошли двое крепких мужчин. Они пока стояли у двери, стряхивая с себя снег, разматывая шарфы и снимая перчатки. Оба были одеты почти одинаково: брюки, свитер и длинное теплое пальто. Только один предпочитал цвета темные, немаркие, а ткани – грубые, дешевые. На другом были светло-коричневое пальто, какое можно носить, только если кто-то его тебе регулярно чистит, и свитер из дорогой тонкой шерсти цвета обожженной глины.

Чужаки. Это я видела и по лицам, и по одежде. И по тому, с каким любопытством они озирались по сторонам, хотя в городе мою шоколадницу – без ложной скромности – знают все.

На самом деле заметное любопытство проявлял только один из них. Тот, что шел первым и был одет лучше. Молодой, ему едва ли исполнилось тридцать, пепельновоусый красавец с серыми глазами и какой-то детской улыбкой не скрывал интереса и удивления. Он выглядел умным, образованным и состоятельным. Скорее всего делец, захавший в Оринград, чтобы найти новых поставщиков или, наоборот, пристроить свой товар. Такие порой захавживали ко мне по ошибке или из любопытства. Обычно они не доставляли неприятностей: вели себя сдержанно, поскольку ситуацию в городе не знали и не хотели нарваться на проблемы с законом или случайно обидеть кого-то, кто мог повлиять на их дела.

А вот второй мужчина – брюнет – внушал страх. Я не смогла бы точно сказать, чем именно. Оба гостя могли похвастаться и внушительным ростом, и широкими плечами. Мощный торс, сильные руки, достаточно узкие бедра и длинные ноги. Воплощение мужской силы и красоты. Но пепельновоусый казался просто крепким, а его спутник – опасным. Угроза чудилась в цепком и пронизательном взгляде темных почти до черноты глаз, в недовольной складке между бровями, в плотно сжатых губах, в резко прочерченных носогубных складках, в серебрящихся сединой висках, хотя мужчина едва ли был намного старше пепельновоусого. В чертах его лица виделось что-то грубое, варварское. Я легко могла представить, как он бьет женщину ду-

бинкой по голове и утаскивает в логово.

Но если незнакомец и был варварских кровей, то только наполовину, потому что благородные черты тоже просматривались. Вырос определенно в цивилизации, скорее всего получил нормальное образование, возможно, военное. И хотя одет он был проще, скромнее, в нем чувствовалась уверенность в себе.

«Охранник», – решила я и окончательно успокоилась.

Охранник, каким бы страшным он ни казался, подчиняется хозяину, а хозяина я уже не сочла опасным.

Испуг как раз окончательно прошел, когда первый мужчина заметил меня и широко улыбнулся в знак приветствия.

– Добрый вечер, хозяйка. Еще не закрываешь? Найдется немного тепла и еды для двух заблудившихся путников?

Его голос звучал весьма приятно, говор тоже выдавал в нем чужака. Я улыбнулась красавцу в ответ и махнула рукой, предлагая гостям садиться на любое место.

– У меня правило: если дверь открыта, то гнать вошедших в нее нельзя. Что могу предложить вам, господа?

Пока я шла к прилавку, хмурый охранник обернулся, подбирая взглядом подходящее место за крохотными для них обоих столиками. Его хозяин тем временем успел сделать выбор первым: ему приглянулся один из трех высоких стульев, стоящих прямо у прилавка. Редко кто занимал их. Сюда садились только знакомые или те, кто собирался быстро выпить чашку горячего шоколада, пока у меня допекалась

порция свежих завитков из слоеного теста с шоколадной начинкой. Чаще всего здесь сидела мамина подруга – госпожа Кроули. Она навещала меня каждый день, перед тем как открыть свое кафе – как раз одно из тех, куда вечером мужчины приходили выпить, поговорить и потискать подавальщиц.

– Нам бы горячего кофе и какой-нибудь сэндвич с мясом, – пожелал пепельноволосый, продолжая улыбаться.

Его взгляд недвусмысленно намекал, что ему нравится и просто смотреть на меня, но мужчина казался действительно голодным.

Охранник, заметив, что хозяин уже выбрал место, недовольно поморщился, но безропотно сел на высокий стул рядом. Ну как сел? Присел, опираясь локтем на тянущийся вдоль прилавка козырек и касаясь одной ногой пола, словно готовился в любой момент вскочить и побежать.

– Мне очень жаль, но у нас нет кофе и сэндвичей, – с искренним сожалением улыбнулась я.

И слегка поежилась, потому что слова привлекли внимание охранника, и тот одарил меня пронзительным и тяжелым взглядом. Словно насквозь просветил.

– Это кафе-шоколадница. Есть горячий шоколад, шоколадные конфеты и осталось немного шоколадного печенья с орехами.

Брови дельца удивленно взлетели вверх, а его охранник презрительно фыркнул.

– Я говорил, надо искать другое место.

У него был низкий, сильный, властный голос. Незнакомец лишь тихо обронил короткую фразу, а у меня мгновенно вспотели руки и внутри все перевернулось. Нет, такому не нужно бить женщину по голове. Достаточно посмотреть в глаза и скомандовать: «За мной». Каждая вторая пойдет, даже в Оринграде. Каждая другая просто не сможет пойти, потому что умрет на месте от страха.

– Но больше ничего не работает, – даже хозяин говорил с ним так, словно оправдывался. – Да и как можно уйти от таких глаз? Придется есть шоколад.

Он снова игриво улыбнулся мне, и я против воли смущенно заправила волосы за ухо, на мгновение потупив взгляд. А когда снова подняла его, заметила, как охранник раздраженно покачал головой. Весь его вид говорил: «Какие, к варгам, глаза? Нет у нее никаких глаз».

– Какой шоколад изволите?

Я кивнула на доску за спиной, исписанную названиями. Их там было двадцать штук и каждое мало что говорило тому, кто видит его в первый раз. Вот и делец пробежал список растерянным взглядом и честно заявил:

– Я... не знаю.

– Вам погуще или более жидкий, послаще или более терпкий?

– Погуще и более терпкий, – тут же радостно определился делец.

Я кивнула и заставила себя посмотреть на охранника.

– А вам?

Тот снова поднял на меня взгляд. Все такой же темный, пронизывающий, пробирающий холодом до костей, как влажный ветер с моря зимой. Его взгляд залезал в голову, отзываясь шумом в ушах, но сам ничего не выражал. Словно зеркало, но только не души своего владельца, а просто зеркало, в котором отражаешься ты сам и не можешь разглядеть, что за ним. Поэтому я скорее почувствовала, чем увидела, что за ним есть нечто... Просто *нечто*, чему нет названия.

– Мне ничего не нужно.

– Ясно, – кивнула я еще раз, поворачиваясь к гостям спиной и включая горелку.

Все время, пока готовила, чувствовала спиной взгляд. Кожа почти горела, даже под одеждой и на прикрытом длинными волосами затылке. Я была уверена, что меня пожирает и раздевает взглядом делец, но когда повернулась, чтобы поставить перед ним высокую чашку, то обнаружила, что он с интересом изучает витрину с конфетами.

Зато охранник смотрел на меня очень внимательно. Еще один долгий молчаливый контакт глаза в глаза, от которого теперь уже кинуло в жар, а не в холод, и он медленно отвернулся. Я тяжело сглотнула и заставила себя спросить, перекладывая на тарелку несколько оставшихся печений:

– Уверены, что ничего не хотите? На улице холодно, вам тоже не помешает согреться.

– Я не люблю сладкое.

И снова низкий, очищенный от эмоций голос, от которого внутри все подпрыгивает, падает вниз как попало и даже немного дрожит. Да что со мной такое сегодня?

– А это, между прочим, совсем не сладко, – заметил делец. – Даже не знал, что горячий шоколад таким бывает.

Охранник недовольно посмотрел на него, стиснул челюсти, но промолчал. Я впервые усомнилась, что правильно определила характер отношений между ними: очень уж непочтительно вел себя нанятый в телохранители варвар-полукровка.

Заметив реакцию спутника, делец легко пожал плечами и потянулся одной рукой к печени, а другой – к забытой кем-то на краю козырька газете. Пока он пробежал глазами текст, я решительно шагнула обратно к горелке и снова принялась готовить по велению внезапного вдохновения.

«Не любишь сладкое, значит? – подумалось мне. – Ладно, удивлю тебя».

И откуда только взялись смелость, дерзость и уверенность в том, что это надо сделать? Стали ли причиной тому нашептывания ветра сегодня и восемь лет назад? Не знаю. Мужчина в черном пальто из грубой ткани внушал страх, а не любовный трепет, но отчего-то захотелось заставить его улыбнуться, согреть теплом напитка и растопить обжигающий лед во взгляде.

По старой привычке, подцепленной у мамы еще в детстве, я едва слышно – не громче обычного дыхания – озвучила

пожелание, помешивая в ковшике на этот раз более густой напиток. В Оринграде считалось неприличным женщине высказывать свои желания вслух, особенно если ее никто не спрашивал. Но мама всегда повторяла: «Пусть нам нельзя говорить о том, чего мы хотим, никто не может запретить нам шептать».

– Что это? – недовольно спросил охранник, когда я поставила чашку шоколада и перед ним.

Это был необычный рецепт, родившийся только сейчас, на ходу, в меню его не значилось. Но мне почему-то казалось, что именно такой шоколад – густой, терпкий и острый из-за добавления огненного перца – должен ему понравиться.

– Это для вас.

– Я сказал, что мне ничего не нужно.

– А вы попробуйте, – предложила я, обезоруживающе улыбаясь. – Если не понравится, можете не платить.

И снова долгий, ничего не выражающий, но разбирающий на части взгляд. Разбирающий, но не раздевающий как у дельца. У того на лице вдруг расплылась плутоватая улыбка. Он разломил большое печенье на две почти равные части, наблюдая, как охранник осторожно понюхал содержимое чашки и все-таки сделал осторожный глоток. А потом еще один. На лице не отразилось неудовольствия, поэтому спутник протянул ему половинку печенья, заметив:

– Это тоже вкусно, кстати. А что, красавица, у вас говорят: будет в Ниланде война?

Вопрос был адресован уже мне, пришлось перевести взгляд на дельца, хотя было гораздо интереснее узнать реакцию охранника на печенье. Впрочем, на его лице все равно не отражалось никаких эмоций. Он лишь со скучающим видом покосился на спутника. В глазах читалась одна единственная мысль: «Нашел, о чем поговорить с девушкой».

Или стоило это читать как: «Нашел, с кем поговорить о политической ситуации в мире». Почему-то второй вариант показался обидным. В противном случае я бы только пожалала плечами, а тут не удержалась:

– У нас по-разному говорят. Магистрат уже давно агрессивно присоединяет к себе чужие территории, но Ниланд ему не проглотить. Впрочем, подчинить его они могут, а значит, попытаются. Все зависит от правителя Ниланда: найдет ли он дипломатический способ решения проблемы или попытается отстоять свою страну силой.

Обе челюсти, до этого старательно пережевывающие уже подсохшее к вечеру печенье, сначала замедлили движение, а потом и вовсе остановились. Мужчины переглянулись. Конечно, хорошенькой – а я предпочитала считать себя хорошенькой – девице, варящей шоколад и пекущей печенье, как-то странно вникать в политические процессы соседних государств.

– И как ты думаешь, есть ли у Ниланда шансы отстоять себя силой? – поинтересовался делец, закончив обмениваться выразительными взглядами с охранником.

– А вы откуда? – на всякий случай уточнила я.

– Нет, – прозвучал быстрый ответ, – мы туда.

Я понимающе кивнула и снова пожала плечами.

– Ниланд силен, у него большая армия и храбрые воины.

А еще хорошие отношения с Сиранской Республикой. Если Сиран и Ниланд объединятся, Магистрат, вероятнее всего, обломает о них зубы. Но у Магистрата есть маги и генерал Шелтер. Говорят, ему сам Варег ворожит. Он подчинил Айшенар, наверное, способен справиться и здесь. Если Магистрат пошлет его...

Я не договорила, потому что точно не знала, как продолжить, лишь многозначительно замолчала, округлив глаза. Мужчины снова удивленно переглянулись, и я с трудом сдержала улыбку. Делец потянулся за новым печеньем, а охранник, нахмурившись еще сильнее, сделал большой глоток шоколада.

– Шелтер? – переспросил делец равнодушно. – Это тот, которого прозвали Кровавым? Злобный ублюдок, безжалостный и беспощадный словно демон?

Охранник едва не поперхнулся. Или кашлянул, намекая хозяину, что слова вроде «ублюдок» в приличном обществе не приняты, особенно в присутствии дам. Меня оно, впрочем, совершенно не смутило. В плохие дни отец сыпал и более грубыми словечками.

– Не знаю, был ли отец генерала Шелтера женат на его матери, – спокойно отозвалась я. – И был ли кто-то из них

прислужником Варега, но, как я слышала, его действительно прозвали Кровавым. Полагаю, за его... поведение на завоеванных территориях.

– Интересуешься политикой? – неожиданно спросил охранник.

Я лишь пожала плечами и улыбнулась, давая ему возможность самому додумать ответ. Разочаровывать его не хотелось, врать – тоже, а на самом деле политикой я не интересовалась, газеты не читала, только заголовки иногда цепляла взглядом, когда относила свежий выпуск отцу. Зато политикой живо интересовались пожилые мужчины и даже женщины, приходящие в кафе в первой половине дня. Сегодня за чашкой шоколада пересеклись две пары, которые живо, бурно и громко обсуждали как раз тему возможной войны. А я никогда не жаловалась на память: все, о чем они говорили, запомнилось мне дословно.

Не дождавшись ответа, охранник снова отвел взгляд и поднес к губам чашку. Его хозяин отложил газету и принялся уточнять, как им отсюда добраться до южных ворот города.

– Из-за метели мы сбились с пути, – объяснил он. – А нас там должен ждать экипаж.

Я объяснила, как добраться до южных ворот, про себя подивившись, как можно настолько сбиться с пути, чтобы оказаться почти в противоположной части города. И заодно: зачем им южные ворота, если они собираются в Ниланд? Но спрашивать ничего не стала, не мое это дело.

Делец кивнул, заверив, что все понял. Часы на стене пробили девять, и охранник выразительно посмотрел на хозяйку, а тот с сожалением улыбнулся.

– Увы, нам пора, красавица. Было неожиданно, но вкусно. Я согрелся. Сколько с меня?

– Четыре за шоколад, а печенье будем считать угощением.

Он положил на прилавок мяту пятачку.

– Сдачу оставь себе. Спасибо за помощь.

Делец встал и принялся наматывать длинный тонкий шарф на шею, его охранник тоже поднялся, застегивая пуговицы пальто, но платить, очевидно, не планировал. Я вопросительно приподняла брови, глядя на него.

– Что? – спокойно поинтересовался он, сверля меня взглядом и натягивая перчатки. – Ты сказала, могу не платить, если не понравится. Мне не понравилось.

Я недоверчиво прищурилась, выразительно посмотрев на пустую чашку. Не понравилось, да? А что ж тогда выпил все?

– Слишком пресно, – спокойно пояснил мужчина, повернулся и пошел к выходу.

Пресно? С таким количеством огненного айшанского перца?

– Он просто вредничает, – заговорщицким шепотом заявил делец, возвращаясь к прилавку и кладя на него еще одну пятерку. – Доброй ночи, красавица.

– Счастливого вам доброго утра до Ниланда, – пожелала я, глядя, впрочем, не на дельца, а на его охранника, в нетерпении

застывшего у двери.

Почему-то хотелось увидеть его глаза еще раз.

«Если он обернется, – загадала я, сама не понимая, зачем мне это, – значит, обещание ветра было все-таки о нем. Однажды он вернется и заберет меня отсюда...»

Я еще не успела сформулировать мысль до конца, а за гостями уже захлопнулась дверь. Мужчина так и не обернулся.

Зато в ноги мне ткнулся мокрый нос, и снизу донесся решительный «Гав!» Я улыбнулась, чувствуя непонятно откуда взявшуюся горечь во рту. Та всегда появлялась, стоило понять, что все мечты – лишь глупые фантазии, которые никогда не сбудутся. Эта шоколадница и город – моя единственная судьба. Никто не придет и не заберет меня отсюда.

Я присела на корточки и погладила лохматую макушку.

– Вот так, Бардак, и нечего слушать всякий шепот. Правда? Спать пора, а то завтра не встану.

Перевернув табличку на двери, я заперла замок, произвольно вглядываясь в темноту и метель за окном. Но гостей уже и след простыл.

Глава 2

Чужаки вспоминались мне еще с неделю, но постепенно их образы стерлись из памяти и выветрились из головы. Я продолжала бежать по привычному кругу: встать пораньше, чтобы выпечь свежие кексы, слоеные завитки и печенье, подготовить кафе к открытию, обслужить всех гостей, успевая подать отцу завтрак, обед и ужин, сделать новые конфеты на продажу, убраться в квартире, перемыть всю посуду...

Когда снег окончательно сошел, на улице потеплело и темнеть стало позже, у меня появилось больше возможностей ходить куда-то после работы. Обычно я заглядывала в гости к госпоже Кроули, потому что собственных подруг за последние годы растеряла: они все вышли замуж, родили детей, некоторые из которых уже успели пойти в школу. В свои двадцать три в Оринграде я стремительно превращалась в старую деву, «переспелую ягоду», на которую еще год-два – и никто уже не посмотрит.

Я понимала опасность своего положения. В Оринграде женщина считается добропорядочной и пользуется уважением и поддержкой окружающих только в трех случаях: если она хорошая дочь, если она честная жена и мать или если она вдова, прошедшая первые два жизненных этапа. Вот госпожа Кроули считается добропорядочной вдовой с тремя честно нажитыми в браке детьми. Дело свое она унаследовала от му-

жа, занимается им, чтобы кормить детей, и должна передать старшему сыну, как только он станет совершеннолетним.

Пока я еще могла прикрываться ролью хорошей дочери, ухаживающей за больным отцом, но многие уже смотрели на меня косо, хотя в лицо никто худого не говорил. Но то, что ладная здоровая девка, к которой регулярно сватаются, не выходит замуж, выглядело подозрительно. Особенно на фоне того, что время шло и сватались ко мне все меньше. Некоторые уже шептались за моей спиной, мол, честь наверняка не сберегла и боится теперь идти замуж. Ведь кто возьмет в жены порченную? А обманешь, так муж будет иметь полное моральное – и законное – право так поколотить после брачной ночи, что уже и не встанешь. Если только сознательно не решит грех жены прикрыть, а такого еще поискать надо. Да что-то предложить ему взамен.

Мне было нечего стыдиться и нечего скрывать. Просто женихи не нравились. Не стучало рядом с ними сердце, не сбивалось дыхание, не тянуло прильнуть или поцеловать. Жизнь с отцом была не сахар, но он по крайней мере – родной человек, а не чужой мужчина, которого придется терпеть не только за одним столом, но и в одной постели. Потому я и не торопилась замуж, работала, втайне мечтала уехать из Оринграда и прислушивалась к шепоту ветра. Ждала обещанную судьбу, но с каждым годом все отчетливее понимала, что ветер обманул. Или я что-то не так поняла. Да только переломить себя и отказаться от мечты пока никак не могла.

В тот день я проспала: накануне долго не могла уснуть. По какой-то причине вспомнился снежный вечер в начале весны. Перед глазами вставали лица гостей, в ушах звучал тихий властный голос. По спине бежали мурашки, и внутри снова все переворачивалось, стоило вспомнить хмурый взгляд почти черных глаз. Все это долго не давало провалиться в сон, поэтому утром я против обыкновения встала почти на час позже. Что могло стать настоящей катастрофой, поэтому все утро пришлось бегать по привычному кругу вдвое быстрее, ничего не замечая вокруг.

Лишь через час после открытия, когда мне наконец удалось перевести дыхание, стало понятно, что что-то не так. Отсутствие обычного ажиотажа в первую волну я приняла как маленький подарок Великого Тмара: небольшое послабление, чтобы хватило сил дожить до вечера. Малое количество клиентов обычной второй волны уже показалось странным, а полное отсутствие третьей заставило насторожиться.

Я вышла из кафе, чтобы взглянуть на набережную. Та непривычно пустовала, хотя на небе ярко светило солнце, легкий бриз шелестел свежей листвой и все говорило, нет, практически кричало: «Сегодня прекрасный день для прогулки и чашки горячего шоколада!» Однако людей почти не было.

Пустовала и обычно оживленная улица, на которой находилась шоколадница. Только Бардак, увидев меня – или, вероятнее, учуяв – с радостным лаем бросился под ноги, виляя

ХВОСТОМ.

– Маленький попрошайка, – притворно проворчала я, пытаясь одновременно погладить его и не дать поставить на себя грязные лапы. Зеленое платье было уже не таким новым, но пока оставалось любимым.

– Мира!

Я обернулась на зов: ко мне спешила госпожа Кроули, тревожно кутаясь в легкий плащ, хотя погода уже позволяла ходить и без верхней одежды. Только когда мамина подруга подошла ближе, я поняла, что плащ она накинула чуть ли не поверх ночной сорочки или просто легкого домашнего платья. Ее заведение открывалось во второй половине дня и работало до ночи, поэтому Анна Кроули вставала гораздо позже меня.

Еще ни разу в жизни я не видела ее в таком растрепанном виде: без макияжа, с наспех собранными в пучок волосами и непонятной одежде. Не говоря ни слова, госпожа Кроули почти втокнула меня обратно в шоколадницу, отодвинув ногой обиженно залаявшего Бардака, чтобы закрыть за нами дверь.

– Отец дома? – спросила она, тяжело дыша.

– Нет, – я растерянно покачала головой. – Он ушел к Стоуну.

Стоун – наш основной поставщик. Мы закупаем через него все, кроме какао, его привозит специализирующийся на подобном заморском товаре Арчер Вранак. Но с Вранаком у

нас долгосрочный контракт, какао в виде порошка, масла и бобов, а заодно шоколадные «монеты», мы закупаем с запасом на случай проблем с поставками. А к Стоуну отец ходит со списком, который я составляю, раз в неделю-две. Вот и сегодня пошел, чтобы сделать заказ, оплатить его и договориться о доставке. Такие дела отец предпочитал оставлять за собой.

– Да и пекло с ним, старым хрычом, Варег его заberi, – раздосадовано махнула рукой госпожа Кроули. – А ты закрой лавочку, опусти занавески, запри как следует дверь и не высывайся из дома хотя бы несколько дней.

От ее слов – а еще больше от тона – у меня похолодело внутри, сердце забилося быстро и неровно.

– Анна, что случилось?

С тех пор как мама умерла, госпожа Кроули попросила называть ее по имени, потому что была старше меня всего на девять лет. И, вероятно, с тех пор считала себя просто моей подругой, но я продолжала воспринимать ее как подругу матери.

– Сиран ночью подписал капитуляцию, – мрачно объяснила госпожа Кроули, кусая губы. – Ты разве не видела? Это во всех утренних газетах! Варнайский Магистрат уже наводит там свои порядки.

Я едва не задохнулась то ли от удивления, то ли от страха. Скорее от второго, потому что удивляться было нечему: Сиранская Республика уже два месяца сражалась с Магистрата-

том, который ни с того ни с сего объявил войну им, а не Ниланду. Армия генерала Шелтера уверенно шла к ее столице. Об этом постоянно писали и говорили, но сегодня утром у меня не было времени заглянуть в газету, а отец никогда не обсуждал со мной политику и, видимо, не посчитал нужным предупредить о случившемся.

– Думаешь, теперь они пойдут к нам? – испуганно и жалобно пискнула я.

– Думаю, они уже идут, – горько вздохнула госпожа Кроули. – Им нужен выход к морю. Только ради этого они и лезли сначала в Ниланд, а в итоге подчинили Сиран. Чтобы добраться до нас и занять порт. Великий Магистр варнайцев наверняка понимает, что мы сражаться не будем. Нам просто нечем и нечем. Да и если они сломали Сиран... – она снова вздохнула, не договорив. Но этого и не требовалось.

– Значит, военных действий у нас не будет? – уточнила я. Госпожа Кроули покачала головой.

– Нет, они придут сюда уже как хозяева. Вероятнее всего, поставят своих людей во главе города, наведут новые порядки и уйдут, оставив какое-то количество солдат. Дальше будем жить как жили, только уже по законам Магистрата.

– Тогда, может быть, все не так страшно?

Госпожа Кроули смерила меня сочувственным взглядом, который как бы говорил: какая же ты бестолковая.

– Страшно будет только молодой девице попасться на глаза солдатне, которая месяцами в походах женщин не видит, –

жестко припечатала она. – Закона над ними никакого не будет, завоеванные территории всегда в полном распоряжении захватчиков. Поняла?

Я судорожно закивала, с трудом сглатывая. Что ж тут не понять-то? О том, что творит армия Магистрата на подчиненных территориях, ходят легенды. Жуткие и тошнотворные.

– Поэтому закрывай кафе, запирайся, зашторивай все окна и сиди тихо, как будто тебя здесь нет, – велела госпожа Кроули.

Она крепко обняла меня, очертила указательным пальцем на лбу защитный круг и поцеловала в то же место.

– Береги себя.

Выглянув за дверь, она убедилась, что на улице все по-прежнему спокойно, и торопливо вышла. То ли отправилась предупреждать еще кого-то, то ли к себе – баррикадироваться.

Когда госпожа Кроули выбегала из шоколадницы, Бардак умудрился просочиться внутрь и теперь сел посреди зала, деловито виляя хвостом и глядя на меня из-под густой челки. Я решила не выгонять пса, с ним было как-то спокойнее. А отец все равно будет ругаться за закрытое кафе. Собакой больше, собакой меньше...

Я сделала все, как велела Анна Кроули: опустила шторы, заперла дверь, сама забралась на второй этаж, закрылась в своей комнате вместе с Бардаком и села у окна – караулить

возвращение отца. Из окна как раз был виден вход, поэтому я не могла пропустить его появление. Но отец все не возвращался. Возможно, зацепился языками со Стоуном или встретил приятелей, с которыми решил обсудить события в Сиране за кружкой эля.

Людей на улицах почти не было видно. Лишь иногда появлялись какие-то компании или отдельные, особо смелые горожане. Бардак вел себя на удивление спокойно: сидел на полу у моих ног и тихонько скулил, словно предчувствовал беду.

Военные в черной форме появились в городе ближе к обеденному времени. Они или шли отрядами человек по двадцать, или разъезжали в странных повозках без лошадей (должно быть, ими двигала магия). Маги с ними тоже были, их я узнавала по характерным одеждам, больше похожим на платья, чем на нормальные мужские одеяния. В отличие от солдат, все они, как один, носили длинные волосы.

Меня начало подташнивать от страха. Или от голода, потому что я не смогла заставить себя поесть, а времени с раннего завтрака прошло уже прилично. В конце концов, я решила запихнуть в себя хотя бы что-то из утренней выпечки. Все равно ведь пропадет теперь. Пришлось спуститься, но я очень старалась передвигаться бесшумно, а сквозь зашторенные окна меня не могли увидеть.

Я набрала на блюдо кексов и слоеных завитков и уже собралась вернуться наверх, когда услышала за дверями посто-

янно нарастающий шум. Сначала это была непонятная возня, постукивания и скрежет, а потом раздались крики. Голос отца я узнала сразу.

– Смердящие выродки! Змеиные ублюдки! Вон отсюда! Вас сюда не звали! Это наш город!

Я едва не выронила тарелку, успела в последний момент с громким стуком поставить ее на ближайшую горизонтальную поверхность. Метнулась к окну и осторожно отвела в сторону край шторы, чтобы выглянуть. Сразу затошнило сильнее.

На улице, прямо перед дверями кафе, толпились несколько человек: отец с приятелями и почти с десяток военных армии Варнайского Магистрата. Я не разбиралась в их форме и знаках отличия, но было похоже, что двое из них офицеры, а остальные – рядовые. Чуть дальше, на дороге, стояла одна из безлошадных повозок, небольшая, сравнимая по размеру с обычным экипажем. Еще дальше остановилось несколько человек из горожан. Или они вышли из домов поглазеть на назревающий конфликт.

Когда я выглянула в окно, тот уже расцвел пышным цветом. Мой отец, никогда не отличавшийся силой и статью, но зато обладающий чрезмерно сварливым и склочным характером, по старой привычке кинулся на военных. За ним подобное иногда наблюдалось: он любил поорать на других и помахать тростью, без которой последнее время не ходил. Вот только мне хотелось верить, что он окажется достаточ-

но вменяем, чтобы не делать этого по отношению к солдатам захватчика. Впрочем, его раскрасневшееся лицо и блестящие глаза давали понять, что он знатно переборщил сегодня с элем, а потому на разумную осторожность с его стороны рассчитывать не приходилось.

Прятели сначала пытались его унять, потом – отбить у военных, но в итоге их оттеснили в сторону, а отца один из рядовых ударил задней частью... Думаю, что это было ружье такое. Отец упал на колени к ногам одного из офицеров, а рядовой снова занес оружие для нового удара.

Я не выдержала: дернула замок, рванула на себя дверь и выскочила на улицу.

– Стойте! – закричала, подбегая к отцу и пытаясь закрыть его собой. – Не надо! Не трогайте его, пожалуйста! Вы же видите, он не в себе...

Солдат замер, так и не нанеся удара, вопросительно посмотрел на офицера. И я тоже посмотрела на него снизу вверх. Черный мундир сидел на мужчине как влитой, на груди красовались какие-то значки, что изображено на погонах, я не видела. Да и не поняла бы. Поэтому смотрела только в равнодушные серые глаза, которые недобро сощурились.

– Ты кто?

– Я его дочь, – быстро затараторила я, демонстрируя раскаяние и смирение. Мне было не привыкать к такому. – Мой отец не в себе. Пожалуйста, отпустите нас, я заберу его домой, он больше не доставит вам неприятностей.

– Еще сапоги ему оближи, дрянь продажная, – почти заревел отец. Когда выпивал, он совершенно терял связь с реальностью, из его рта летели только ругательства и проклятия. – Они на чужой земле! Мы должны дать им отпор, а не вставать перед ними на колени!

Учитывая, что мы оба сейчас стояли на коленях перед офицером варнайской армии, его заявление выглядело особенно нелепо. Впрочем, отец честно пытался подняться, но мы с опьянением не давали ему этого сделать.

Я снова умоляюще посмотрела на офицера. Не зверь же он, должен понять...

Мужчина презрительно скривился и усмехнулся, скользнул по мне оценивающим взглядом. Я запоздало вспомнила слова госпожи Кроули, вновь чувствуя, как руки леденеют, а в груди все сжимается от ужаса.

Где-то ниже по улице что-то вдруг затарахтело, приближаясь, потом скрипнуло, останавливаясь рядом с нами. Офицер обернулся, и я против воли проследила за его взглядом: рядом остановилась еще одна безлошадная повозка, но уже побольше, похожая на грузовой фургон. Открылась дверца – и на мостовую прыгнул мужчина в обычном темно-сером костюме. Немолодой – его волосы уже посеребрила седина – и заметно расплывшийся, с неприятным взглядом и лоснящимся от пота лицом, хотя было не так уж и жарко.

– Что у вас тут происходит, майор? – обратился он к офицеру. – Нам нужно проехать, а вы перегородили дорогу.

– Да вот... – Майор неопределенно кивнул на нас с отцом. – Сейчас все сделаем, господин Драгз.

И он велел солдатам оттеснить собирающуюся толпу зевак. Меня дернули за локти, грубо поднимая на ноги и оттаскивая к стене здания. В считанные мгновения проезд оказался свободен, из чего я сделала вывод, что господин Драгз – важная фигура.

Однако тот не торопился воспользоваться освобожденной дорогой. Он смотрел на меня. Его взгляд быстро скользнул по фигуре, потом долго изучал лицо. Я не выдержала и опустила глаза в землю, тяжело дыша и чувствуя, как тело охватывает дрожь. Колени уже начали подгибаться от страха.

– Это твой муж? – внезапно спросил Драгз, кивнув на притихшего наконец родителя.

– Это мой отец, – немного оскорбленно отозвалась я.

– Живете с ним вдвоем?

– Да...

– Чудесно, – он вдруг улыбнулся, но от этой улыбки мой желудок снова подскочил вверх, к горлу. Драгз повернулся к майору и потребовал: – В машину. Я забираю ее в коллекцию.

Он повернулся и отправился на свое место в повозке. Майор мазнул по мне удивленным взглядом, едва заметно дернул плечами, словно чего-то не понимал, и кивнул солдатам, которые ждали только его приказа. Не успела я осознать, что происходит, как отца оттащили в сторону, а меня

повели к большой повозке.

– Что вы делаете? Нет! Я не пойду! – закричала я, как только поняла, что происходит.

Я уперлась ногами в землю, попыталась вырваться из цепких рук солдата, но тот, конечно, оказался сильнее. Удалось только немного замедлить наше движение, повернуться в руках схватившего меня мужчины и умоляюще посмотреть на отца.

– Папа! – крикнула я, протягивая к нему руку, словно он мог что-то сделать.

Неожиданно отец рванулся ко мне, но его удержали на месте.

– Мира! Что вы делаете, мерзавцы? Отпустите ее!

Это придало сил, я забрыкалась в руках солдата активнее, упираясь ногами в землю так, что едва не повалила обоих. Мужчине это быстро надоело, поэтому он просто перехватил меня за талию и поднял над землей. Теперь я не могла за нее цепляться, только сучить ногами в воздухе.

Внезапно раздался пронзительный лай: из шоколадницы выскочил Бардак и кинулся на тащившего меня солдата. Тот пнул его ногой, Бардак заскулил, но секунду спустя снова залаял, зарычал и бросился на солдата. Я не успела обрадоваться неожиданному заступничеству: заметила, как другой солдат снял с плеча ружье, вскинул его и прицелился в пса.

– Бардак, фу! – заорала я в ужасе, но уже не за себя. – Фу, Бардак, беги!

Раздался выстрел, пес испуганно взвизгнул, заскулил, но бежать бросился вполне резво: стрелявший или промахнулся, или и не целился в него, а только хотел спугнуть.

А меня, брыкающуюся и снова зовущую отца, тем временем подтащили к задним дверям повозки, которые кто-то уже распахнул. За большой повозкой остановилась еще одна маленькая. Я почувствовала на себе прожигающий взгляд, но смогла рассмотреть только возницу и неясные силуэты на заднем сиденье.

Мгновенно стало не до разглядывания повозок: меня закинули в фургон как мешок картошки. Я больно ударилась плечом о холодный жесткий пол, а головой – о чуть менее жесткую скамью, тянущуюся вдоль стены. После чего дверцы захлопнулись, что-то с противным лязгом щелкнуло.

Приподняв голову, я успела поймать три обращенных на меня испуганных взгляда, вскочила и ударила раскрытыми ладонями в двери, хоть и понимала, что они не распахнутся.

Ладони лишь ожидаемо обожгло болью. Повозка вздрогнула, зарычала, качнулась и тронулась с места. Я прильнула к маленькому окошку, пытаюсь поймать взгляд перепуганного отца, который вдруг растерял всю воинственность. Возможно, даже протрезвел от неожиданности.

Повозка уверенно набирала скорость, и в считанные секунды дом и кафе, в котором я работала с детства, отец, знакомые лица соседей и грозные лица чужих военных остались далеко позади, сначала сжавшись, а потом и вовсе исчезнув

из вида. Так быстро, что я не успела поверить в случившееся.

Та повозка, которой мы мешали проехать, какое-то время следовала за нами, но потом свернула. Мои колени наконец подогнулись, и я с размаху плюхнулась на скамью. В глазах темнело, в ушах шумело, к горлу подкатывала тошнота, а легкие горели, потому что я не могла нормально вдохнуть. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не задохнуться. Только сейчас я обратила внимание на едкий, мерзкий, горький запах, которым был наполнен воздух в фургоне.

Что теперь будет? Куда меня везут? О какой коллекции говорил тот мужчина? Как же папа? Он ведь пропадет без меня! Кто приготовит ему еду и кто будет зарабатывать деньги, чтобы он эту еду мог купить?

Сотня вопросов толпились в голове, но я не могла сейчас найти ответы. Все, что я могла, это дышать.

Глава 3

Повозка катилась по городу, фыркая и рыча. Не знаю, долго ли мы кружили по узким улицам. Сквозь туман, окутавший сознание, я едва заметила несколько остановок. В фургоне появились еще три перепуганные девушки, но через пелену, застилавшую глаза, мне не удалось разглядеть их лица. Я обхватывала себя руками, но никак не могла унять дрожь. От едкого и ядовитого запаха разболелась голова. Кто-то рядом тихо плакал, две девушки – вероятно, знакомые друг с другом – о чем-то тревожно шептались.

Наконец повозка снова остановилась, двери открылись, и грубый голос велел:

– Вылезайте! Быстрее!

Сначала никто не шелохнулся, но когда мужчина повторил требование громче, еще и стукнув раскрытой ладонью по металлической дверце, то мы испуганно вздрогнули и торопливо выбрались наружу. Я едва не свалилась, зацепившись ногой, однако командовавший нами солдат удержал меня от падения. И на том спасибо.

Пока вылезали остальные, пока всех строили в один ряд и господин Драгз записывал имена и возраст, я настороженно оглядывалась по сторонам.

Нас вывезли через восточные ворота, которые уже контролировала армия варнайцев. Вдоль городской стены в обе

стороны тянулся военный лагерь: палатки, какие-то орудия и повозки – большие и маленькие. Повсюду сновали военные в черных мундирах. Мне показалось, что их здесь сотни и двигаются они совершенно хаотично, но каждый наверняка выполнял свою задачу. Четкую и понятную.

– Как зовут? – нетерпеливо потребовал рядом голос Драгза. Судя по недовольному тону, спрашивал он уже не первый раз.

– Мира.

Голос прозвучал хрипло и бесцветно. Драгз одарил меня выразительным взглядом, и я уточнила:

– Мирадора Торн, двадцать три года.

Он едва заметно поморщился, но записал и перешел к следующей. Когда перепись была закончена, нас куда-то повели. Мы жались друг к другу, испуганно оглядываясь и ловя на себе мужские взгляды. Чаще безразличные, но порой – заинтересованные, оценивающие, голодные. Пару раз я заметила даже сочувствующие, что показалось очень уж странным.

Мой взгляд вдруг зацепился за темноволосого мужчину, стоявшего ко мне спиной, и я непроизвольно остановилась. На первый взгляд он ничем не выделялся на фоне остальных: такая же черная офицерская форма, но серебрищиеся сединой виски показались знакомыми. Прежде чем я успела осмыслить тревожное чувство, дернувшее сердце, мужчина обернулся.

– Чего встала? – резко поинтересовались над ухом, под-

талкивая в спину.

Но я не шелохнулась, не двинулась с места. Так и стояла, глядя на охранника, который пару месяцев назад сопровождал симпатичного молодого дельца, зашедшего в нашу шоколадницу.

Он как будто почувствовал обращенный на него взгляд: его глаза забегали, словно ища кого-то, а потом остановились на мне. Все такие же темные, бездонные и бездушные. Мгновение – и в них промелькнуло узнавание. Мужчина шагнул к нам.

– Драгз? – окликнул он. – Это у вас кто?

Наша маленькая процессия к тому моменту и так застыла. Из-за меня, буквально вросшей в землю. Драгз повернулся к мужчине и заулыбался. Противно так.

– Пополнение коллекции, господин генерал, – отозвался он. – В подарок Великому Магистру.

Вот оно что. Подарок Великому Магистру. Я что-то слышала об этом краем уха, когда другие обсуждали. Армия привозит своему правителю, главе Варнайского Магистрата – Великому Магистру, подарки. Своего рода сувениры. Предметы искусства, драгоценности, вина, к которым он испытывает слабость, и женщин. Все это Магистр страстно коллекционирует.

Генерал подошел ближе, критически изучая выбранных девушек. Его взгляд остановился на мне. И хотя внутри, где-то в животе, все сжималось и холодело и от его голоса, и от

взгляда, я, не отрываясь, смотрела на него. Как будто прилипла.

– А это здесь зачем? – недовольно поинтересовался генерал, кивая на меня.

Так и сказал – «это». Даже не «эта», словно подчеркивал, что я не человек, а всего лишь вещь.

– Мне кажется, Магистру должна понравиться, – Драгз тоже повернулся ко мне. – Необычный цвет волос, такой оттенок редко встречается в наших землях.

Генерал равнодушно посмотрел на мои волосы и покачал головой.

– Никакие экзотические оттенки не помогут, если она не девственница. У Магистра на этот счет особый пунктик. А она старая по меркам Оринграда, чтобы быть невинной. Ей лет двадцать пять.

Наверное, если бы он сейчас разорвал на мне платье и выставил на всеобщее обозрение перед толпой солдат, я почувствовала бы себя примерно так же. На меня устремилось не менее десятка взглядов: наших конвоиров, спутников генерала, просто мимо пробежавших офицеров и рядовых. Все они оценивающе рассматривали меня, как будто стараясь прикинуть, сколько мне лет и могу ли я в этом возрасте быть невинной. Не знаю, какой из выводов вызывал у них большую насмешку и презрение.

Я снова обхватила себя руками, пытаюсь закрыться от раздевающих взглядов, и, краснея, низко опустила голову, что-

бы их не видеть.

– Ей двадцать три, – возразил Драгз. – И поверьте моему наметанному глазу: она невинна. Но, конечно, ее ждет стандартная проверка перед тем, как мы отправимся.

– Что ж, – раздался надо мной бесстрастный голос генерала, – вам виднее, Драгз. Поторопитесь. Я хочу сегодня же поехать в Сиран. Вашей машине лучше поехать со мной и моим сопровождением.

– Вы собираетесь ехать на ночь глядя через лес, генерал Шелтер? – с сомнением поинтересовался мужчина, который подошел вместе с генералом.

Выглядел он заметно старше, но, судя по неуверенным ноткам в голосе, находился у генерала в подчинении.

Я удивленно вскинула голову, снова посмотрев на случайного знакомого, оказавшегося генералом чужой армии. Шелтер? Тот самый генерал Шелтер по прозвищу «Кровавый», которого мы тогда обсуждали? Вспомнилось, как он поперхнулся шоколадом, когда спутник выдал его расхожую характеристику.

Сейчас у генерала Шелтера едва заметно дрогнули губы: понял, о чем я подумала, и то ли собирался усмехнуться, то ли скривиться. Не сделал ни того, ни другого, только повернулся к мужчине, усомнившись в его решении.

– А что не так, полковник Ридд? Здесь недалеко.

Ехать было действительно недалеко: Оринград от Сиранской республики отделяли километров двадцать лесной до-

роги. Только по ночам там старались не ездить, разве что зимой, когда варги впадают в спячку. А по весне они выбираются, по-настоящему злые и всегда голодные.

Впрочем, учитывая крепкие металлические повозки, которым не требовались лошади, варнайцам едва ли стоило бояться варгов. И как оказалось, полковник опасался не их.

– Партизаны, господин генерал, – с нажимом напомнил он. – Не все в Сиране согласны с капитуляцией. Мы можем угодить в ловушку.

– Если вы боитесь, господин полковник, вы вольны остаться здесь и подождать, пока в Магистрат будут возвращаться основные силы. А я тороплюсь в столицу.

Он повернулся, уже ни на кого не глядя и не позволив больше себе возразить, и пошел прочь.

Я какое-то время смотрела ему вслед, пытаюсь понять, что чувствую по поводу того, кем оказался простой охранник, в котором мне почудилось наличие варварской крови. Но я ничего не чувствовала кроме тошноты, слабости и ужаса перед предстоящей «проверкой».

* * *

«Проверка на невинность» оказалась грубым и унижительным осмотром. Когда меня завели в палатку, и я поняла, что именно собирается сделать немолодой, но еще и не старый чужой мужчина в присутствии двух солдат, я постаралась

сопротивляться, но сопротивление было сломлено довольно быстро. Именно тогда я в полной мере осознала, насколько беззащитна перед этими людьми, и что-то во мне сломалось. С горечью пришлось признать, что я слишком слаба, чтобы противостоять их силе, а они слишком бессердечны, чтобы внимать мольбам и слезам.

Тем, кто прошел «проверку», выдавали миску с едой. По крайней мере, при определенных условиях это могло считаться едой. Пахло содержимое металлической посуды отвратительно, на вкус было еще хуже. После двух ложек меня стошнило, и миску грубо отобрали.

– Сиди голодная, раз такая привередливая, – гаркнул мужчина, раздававший еду.

Мою миску отдали следующей девушке. Мне, впрочем, было уже все равно. Умереть от голода казалось не так ужасно, как продолжать жить в мире, где на тебя смотрят как на вещь и могут сделать все, что душе угодно. Не то чтобы в Оринграде к женщинам относились с каким-то особенным трепетом или уважением. Но там хотя бы существовали определенные рамки. Законы, ограничения. Правила, соблюдая которые, можно было добиться хорошего к себе отношения. Здесь они больше не действовали.

Через какое-то время за нами перестали пристально следить. Подруги по несчастью, молчаливые и такие же опустошенные после «проверки», как и я, без энтузиазма ели, сидя на каких-то ящиках, стоящих у палатки, и глядя каждая

в свою миску. Я своей порции лишилась, а потому неприкаянно топталась вокруг, скользя взглядом по другим палаткам, суетящимся людям, замысловатым орудиям, повозкам. В голове было холодно и пусто, мысли отказывались формироваться и задерживаться, мелькали лишь рваные ошметки. Даже страх на время отступил.

Сама не заметила, как отдалилась от остальных девушек, подошла к одной из повозок, такой же большой, как та, на которой нас привезли. Я бесстрастно разглядывала прочные металлические бока, большие черные колеса, прозрачные, хоть и заляпанные местами грязью окна в той части, где сидел возница. Повозка казалась ужасно тяжелой, в голове мелькнула мысль, что ни одна лошадь – и даже пара – ее не сдвинет.

– Как же она ездит? – пробормотала я, ни к кому конкретно не обращаясь. – Это какая-то магия?

– Это двигатель внутреннего сгорания. Изобретение айшев, – раздался рядом знакомый голос.

Я не ожидала его услышать, но не испугалась. Лишь медленно повернула голову и посмотрела на улыбающегося пепельноволосого дельца... То есть того, кого приняла в свое время за дельца. Сейчас он, как и его тогдашний спутник, красовался в форме армии варнайцев.

– Здравствуй, красавица, – поприветствовал он, убедившись, что его узнали. На губах цвела все та же милая и доброжелательная улыбка, а в глазах светилось сочувствие.

– Здравствуйте, – пробормотала я бесцветным голосом.

На удивление или обиду за обман, как и на любые другие эмоции, просто не осталось сил.

– Вот, возьми.

Мужчина неожиданно протянул мне шуршащий бумажный пакет с промасленным боком. От него невыносимо вкусно пахло мясом, луком и жареным тестом.

Я заглянула внутрь, чувствуя, как рот наполняется слюной, и обнаружила в пакете два плоских пирожка с хрустящей, ломающейся от неосторожного прикосновения корочкой. От запаха закружилась голова, организм напомнил, что сегодня мы с ним лишь наспех перекусили утром, а уже сгущались сумерки.

– Угощение за угощение, – объяснил пепельноволосый в ответ на мой вопросительный взгляд и уточнил: – За печенье. Тебе надо поесть. Тебя зовут Мира, да?

Я кивнула, жадно впиваясь зубами в первый пирожок. В рот потек горячий, но не обжигающий мясной сок, хрустящий гребешок пирожка слегка осыпался, но я поймала крупные крошки ладонью и подобрала языком, торопливо пережевывая и откусывая снова. Было плевать, насколько дико я выгляжу со стороны. Должно быть, приблизительно как Бардак, который неизменно накидывался на любое угощение с энтузиазмом оголодавшего варга.

– А меня Риталь Моран. Капитан Моран, адъютант генерала Шелтера, – как будто виновато уточнил он.

Я лишь снова безразлично кивнула, вцепившись в бумажный пакет и торопливо принимаясь за второй пирожок. Главное – не подавиться.

«А ведь только думала, что умереть от голода лучше, чем так жить», – напомнила себе с той же отрешенностью.

Оказалось, что умереть все-таки сложнее, чем жить. Какой бы жизнь ни была или обещала стать.

– Вы закончили?

От неожиданного громкого окрика генерала я все-таки едва не подавилась, потому что вздрогнула и проглотила кусок раньше, чем успела как следует прожевать. Он с трудом пролез в горло и камнем упал в живот. Риталь на мгновение ободряюще коснулся моего плеча и тут же пошел прочь, к генералу, а ко мне уже спешил зазевавшийся солдат, из-за невнимательности которого я умудрилась так далеко отойти от остальных. Пришлось быстро засунуть в рот остатки второго пирожка, чтобы его не отобрали.

Нас снова повели к повозке, на которой доставили сюда. Пока другие девушки покорно забирались внутрь, я следила взглядом за генералом Шелтером и капитаном Мораном, стоявшим у него за плечом. Шелтер отдал другому офицеру последние распоряжения, тот что-то коротко ответил и моментально встал еще прямее, вытягиваясь вверх, резким движением поднимая раскрытую ладонь и поднося кончики пальцев к козырьку фуражки. Генерал повторил его жест, но более расслабленно, после чего вместе с адъютантом и тем

полковником, с которым спорил раньше, направился к маленькой повозке. Риталь открыл перед ним дверцу заднего сиденья, генерал снял фуражку, собираясь забраться внутрь, но вдруг остановился и обернулся, как будто снова почувствовал на себе мой взгляд.

Он посмотрел на меня, прямо в глаза, хотя нас разделяло довольно приличное расстояние. И все же мне показалось, что он снова проникает в меня. Не бесстыдными пальцами, как мужчина, проводивший «проверку», а в голову, в душу, заставляет сердце глухо ухать в груди то ли от вернувшегося страха, то ли какого-то другого, совершенно незнакомого чувства.

Резкий порыв ветра взметнул мои волосы и подол платья, слуха коснулся едва слышный шепот, но я не разобрала слов: меня как раз грубо толкнули в спину, давая понять, что пора забираться в повозку. И я забралась.

Захлопали дверцы, повозки снова грозно зарычали и зафыркали, качнулись и поехали. Я встала, придерживаясь руками то за стены, то за низкий потолок, чтобы не потерять равновесие, и выглянула в окошко в двери: ворота Оринграда стремительно удалялись. Сколько раз я представляла себе, как однажды пройду через них и оставлю родной город в прошлом, устремлюсь навстречу новой жизни, приключениям и необыкновенному мужчине, который изменит мой мир.

Что ж, сбылось. Я покидала Оринград, чтобы стать игрушкой в руках – или, правильнее сказать, в постели – гла-

вы Варнайского Магистрата. Это определенно навсегда изменит мой мир, низвергнув до положения падшей женщины. Да, предсказание ветра полностью сбылось. Кто только мог подумать, что все окажется... так?

«Надо было поточнее мечтать, – горько усмехнулась я, наблюдая, как ворота скрылись из вида и осталась только еще одна небольшая повозка, следовавшая за нами. – А теперь уж никто не виноват».

Разве что генерал Шелтер по прозвищу «Кровавый», который пришел и играючи завоевал сначала Сиран, а потом и Оринград.

Глава 4

Стемнело довольно быстро, едва мы отъехали от ворот, но тяжелые и резвые повозки варнайцев оказались оснащены яркими фонарями. Света от той, что ехала следом, хватало, чтобы мы могли хорошо видеть друг друга. Я только сейчас нашла в себе силы рассмотреть подруг по несчастью. Их было шестеро, и все они выглядели значительно моложе. Одна и вовсе казалась почти ребенком. Лишь кареглазой шатенке, сидевшей в дальнем от входа углу, на вид можно было дать лет двадцать.

Повозки двигались довольно быстро, мы вполне могли оказаться в ближайшем крупном городе Сиранской Республики еще до полуночи, не останавливаясь на отдых в деревне, которая находилась у самой границы.

Фургон, в котором ехали мы, пугающе раскачивался, нас нещадно трясло на каждой кочке, от чего меня снова мучило, но два вкусных пирожка я была твердо намерена удержать в себе. Поэтому плотно сомкнула веки и сжала губы – так было легче переносить тряску.

Снаружи вдруг что-то бахнуло, потом заскрипело, завизжало. Нашу повозку повело в сторону, закачало сильнее. Я открыла глаза, но не поняла, что произошло. Снаружи опять что-то гроыхнуло, взвизгнуло. Фургон резко развернуло и накренило, меня кинуло в противоположную стену, как бы

отчаянно я ни пыталась удержаться за сиденье. Кто-то рядом закричал, а я больно приложила голову обо что-то твердое. В глазах потемнело, и на какое-то время я отключилась от происходящего.

Когда сознание вернулось, грохот, крики и скрип стихли, зато в ушах появился навязчивый звон. В фургоне стало очень темно: фонари шедшей следом повозки исчезли. Я попыталась встать, но мне не удалось. В темноте не сразу удалось понять, что не так, но через несколько секунд я сообразила: повозка сильно накренилась, но не перевернулась, так и зависла под углом.

Снаружи раздались непонятные хлопки. Достаточно быстро я сопоставила звук с тем, что слышала, когда солдат выстрелил в Бардака. Только сейчас грохотали и одиночные выстрелы, и целые очереди, похожие на звук трещоток. Какой-то древний инстинкт заставил меня прижаться к полу... под каким бы странным углом он сейчас ни находился.

Рядом кто-то заплакал, а кто-то – зашептал молитву. Снаружи слышались грубые и резкие выкрики, но слов было не разобрать: шум в ушах мешал. Я зажала их ладонями, как будто это могло помочь и изменить происходящее.

Через несколько минут все стихло. Все, кроме шума в ушах. Я осторожно отвела руки в сторону.

– Всем оставаться на местах! – слышался звучный голос генерала. – Это может быть уловкой!

Я сомневалась, что его приказ относится к нам, мы и так

не могли покинуть свое место, но на всякий случай замерла, даже дышать перестала. Снаружи раздались еще несколько одиночных выстрелов, какая-то возня, глухие удары, а потом дверца фургона резко распахнулась и голос капитана Морана громко поинтересовался:

– Все целы? Вылезайте. Только осторожно!

После секундного замешательства мы на ощупь потянулись к двери. Я из повозки едва не выпала, очень уж кружилась голова, но Моран удержал меня, поставил на ноги и велел сразу отойти подальше, чтобы не мешала другим.

– И чтобы машина не зацепила, если решит падать дальше, – добавил он.

На улице оказалось гораздо светлее: фонари повозок продолжали работать, рассеивая тьму вокруг, но сами повозки теперь стояли безумно и нелепо. Я по-прежнему не понимала, что произошло. В ушах еще шумело, а перед глазами все расплывалось. Я бестолково оглядывалась по сторонам, постепенно отходя все дальше от почти перевернувшегося фургона.

Минуту спустя картинка сложилась. Поперек дороги лежало огромное дерево. Наш фургон тоже развернуло поперек, боком он завалился на дерево, потому и не опрокинулся полностью – уперся в ветки. Теперь один ряд колес висел в воздухе, а на втором повозка опасно балансировала. Если ветки сломаются, она упадет.

Рядом с накренившимся фургоном стояла одна из малень-

ких повозок. Она, очевидно, успела затормозить. Другую раздавило деревом, и из нее двое солдат сейчас пытались вытащить выживших пассажиров. Еще одна лежала на боку в углублении рядом с дорогой. Та маленькая повозка, что ехала за фургоном, тоже смогла остановиться, ее повернуло лишь чуть-чуть. В основном именно она сейчас и освещала происходящее.

А происходило следующее: трое мужчин стояли посреди дороги на коленях со сцепленными на затылке руками под прицелом ружей двух варнайских солдат. Трое солдат Магистрата лежали на земле чуть дальше. Над двумя склонились их товарищ и маг, которого я снова опознала по длинным волосам и одежде, похожей на женское платье. Третий лежал в стороне отдельно, и им никто не занимался.

Я вдруг поняла, что ему уже никто не нужен: молодой парень был мертв. Непроизвольно прижала ко рту руку, хотя не смогла бы закричать, даже если бы захотела.

– А я говорил вам, Шелтер! – крикнул где-то позади полковник Ридд. – Но вы меня не послушали!

– Заткнитесь, – огрызнулся генерал.

Голос его прозвучал подозрительно громко и опасно близко. Я снова повернулась, намереваясь отойти подальше, и едва не уткнулась лицом в широкую грудь. Реакция у Шелтера оказалась лучше: он успел резко затормозить до нашего столкновения и тут же сделать шаг назад.

Я подняла на него испуганный взгляд, а генерал вдруг

нехорошо сощурился. Сильные пальцы легли мне на подбородок – куда осторожнее и бережнее, чем можно было ожидать – и подняли голову, поворачивая лицо так, чтобы на него лучше попадал свет фонарей. Вторая рука потянулась к моим волосам, чтобы приподнять их. По телу прокатился озноб: в этой руке был зажат пистолет, генерал лишь отвел в сторону большой палец, чтобы подцепить прядь, а рукоятка тем временем коснулась моей макушки. Мне захотелось втянуть голову в плечи, но я боялась пошевелиться. Даже вдохнуть боялась.

– Просто царапина, – констатировал Шелтер, отпуская. – Подойди к Этьену, – он взглядом указал на мага. – Пусть залечит, чтобы не было проблем.

Я кивнула и шагнула в указанном направлении, а генерал – к стоящим на коленях мужчинам, спрашивая их, кто они и чего пытались добиться. Один что-то глухо ответил, но я не разобрала: уже очутилась рядом с ранеными солдатами, мое внимание переключилось на них. Над одним колдовал маг, а второй пока просто корчился от боли, товарищ зажимал рукой рану на его груди.

– Мастер Этьен, поторопитесь, – попросил здоровый солдат. – Макс совсем плох.

– Мне что, разорваться? – огрызнулся маг. – Пуля не задела ничего важного, он может подождать. Этот ждать не может.

– Ему больно...

– А кому из нас легко? Тебе чего?

Последний вопрос был адресован уже мне. Взгляд мага скользнул по моему лицу, после чего тот подавил тяжелый вздох и процедил сквозь зубы:

– В очередь встань. Сначала эти двое.

Я послушно остановилась, растерянно глядя на стонущего у моих ног мужчину. Повинуясь странном порыву, опустилась рядом с ним на колени и коснулась рукой головы, осторожно погладила влажные от пота волосы.

– Тише, тише, – прошептала я едва слышно, как любила нашептывать, танцуя на кухне перед открытием шоколадницы и желая хорошего дня и настроения себе и гостям. – Не думай о боли, думай о хорошем. О доме, о маме. О шелесте травы и поцелуях солнца. Великий Тмар придет и заберет твою боль себе, потому не думай о ней. Тише, милый, тише. Думай о тепле очага, у которого тебя ждут...

Я повторяла слегка переделанные присказки, которые слышала с детства. Мама шептала нечто подобное мне, когда я болела или разбивала коленки. Ее шепот велел думать о хорошем: о конфетах и добрых сказках, о любимых куклах и праздничной ярмарке, о великом Тмаре, что смотрит сверху, улыбаясь, и заботится о людях. Шепот убаюкивал, боль уходила, и вскоре я выздоравливала, а коленки заживали.

Конечно, я понимала, что подобного чуда с серьезным ранением не произойдет, но парень, лежавший на земле, вдруг как будто успокоился, задышал ровнее и перестал стонать. Я

почувствовала на себе косой взгляд мага, но тот ничего не сказал.

– Расстрелять и повесить на деревьях, – вдруг донесся с другой стороны дороги холодный голос генерала.

Я не заметила, как снова оказалась на ногах и вернулась к стоявшим на коленях мужчинам. Рядом уже собрались все трое офицеров и еще трое солдат, один из них выглядел довольно помятым. Возможно, его вытащили из повозки, на которую упало дерево.

– Но, генерал, они сдались, – с налетом возмущения возразил немолодой полковник. – Мы должны взять их в плен.

– Сиран еще вчера подписал капитуляцию, – отрезал Шелтер. – Война закончилась в тот момент, и законы военного времени – тоже. Это просто разбойное нападение, в результате которого мы потеряли троих.

– Они тоже, – тихо заметил капитан Моран, кивнув куда-то в сторону углубления рядом с дорогой, в котором так и лежала перевернувшаяся повозка. И, судя по всему, не только она.

– Вот и прекрасно, – в голосе генерала не было ни сомнений, ни торжества, на которое намекало слово «прекрасно». – Тех троих тоже надо будет повесить рядом с этими, чтобы было лучше видно. И неповадно другим. А ты чего здесь опять?

Только после его вопроса я поняла, как близко подошла, влекомая не то любопытством, не то тревогой за троих неиз-

вестных. Все мужчины тут же посмотрели на меня, даже стоявшие на коленях сиранские партизаны и те двое, что держали их на прицеле. Как ни странно, в этот раз я ничего не почувствовала: ни смущения, ни неловкости. После удара головой я вообще чувствовала пугающе мало, лишь генералу удалось прикосновениями вывести меня из равновесия.

– Магистр Этьен занят, – спокойно объяснила я.

– Тогда иди к своим, – велел генерал, неопределенно махнув рукой в сторону жмущихся друг к другу девушек. Они так и стояли рядом с накренившейся повозкой. Господин Драгз, немного ошалевший от происходящего, стоял с ними.

Генерал отвернулся и пошел прочь, показывая, что он все решил и решение менять не собирается. Полковник и капитан переглянулись, а я посмотрела на тех, кому только что вынесли смертный приговор. Все трое были довольно молоды, но уже в том возрасте, когда мужчину дома обычно ждут жена и пара ребятишек. Сердце застучало тяжело и горестно. От жалости и невозможности что-либо изменить. Собственное положение на секунду показалось не таким безысходным: ведь я пока была жива и еще далека от своей судьбы, то есть столицы Варнайского Магистрата, куда нас везли.

Я подняла взгляд на солдата, что стоял рядом со сдавшими сиранцами. Тот по-прежнему держал в руках оружие, но не смотрел на пленников. Сально ухмыляясь, он смотрел на меня. Кажется, даже облизнулся. Я испуганно попятилась.

А потом снова все произошло так быстро, что я смогла

осознать случившееся, лишь когда оно закончилось. Один из партизан резво вскочил на ноги и выхватил оружие из рук отвлекшегося на меня солдата. Тут же приложил его задней частью ружья и выстрелил. И еще раз, и еще...

Кто-то толкнул меня, повалил на землю и накрыл собой. А кто-то просто упал рядом. Раздалось несколько выстрелов, и опять все стихло.

– Цела? – спросил прямо над ухом капитан Моран, поднялся и предложил помощь мне.

Я только судорожно кивнула, с трудом выпрямляясь. Меня шатало. Мимо черным вихрем пронесся генерал, ворча себе под нос:

– Почему я все должен делать сам?

Еще два оглушающих грохота снова разрушили едва восстановившуюся тишину ночного леса: генерал Шелтер вернулся к двум оставшимся в живых пленным – третьего, схватившего оружие, кто-то убил – и невозмутимо выстрелил в голову сначала одному, потом второму.

И повернулся к как раз подымавшемуся на ноги рядовому – тому, чье оружие забрали.

– Куда ты смотрел? – глухо и угрожающе прорычал он.

– Виноват, господин генерал, – простонал тот, зажимая рукой нос: из него ручьем текла кровь. – Отвлекся.

– Тебе же хуже, – лаконично прокомментировал Шелтер.

Я вздрогнула и резко втянула в себя воздух, когда он быстро вскинул руку и снова выстрелил. Только что подымавший-

ся на ноги солдат упал, чтобы не встать уже никогда.

А я опять зажала себе рот руками, хотя оттуда не вырвалось ни звука. Зарыдала тоже совершенно беззвучно, но оттого не менее отчаянно.

Глава 5

– Я слышала про Великого Магистра Варнайского Магистрата. Он адепт темных сил, некромант, сам себя поднявший из могилы после того, как смерть однажды настигла его. Он отвратителен внешне и внутренне. Он смог оживить себя, но тело его стремится к разложению, поэтому ему постоянно нужны новые свежие непорочные девицы. Он проводит с ними ночь, воплощая свои самые извращенные фантазии, наслаждается страхом, болью и отвращением. Пьет их как эликсир жизни. Те, кто провел с ним ночь, как правило, умирают от ужаса к утру. Или сходят с ума. Или накладывают на себя руки.

Шатенка по имени Нада, вторая по старшинству в нашей компании, рассказывала свою историю зловещим полусшепотом, глядя в огонь.

Военным пришлось на ночь разбить лагерь в лесу, поскольку расчистить дорогу и вытащить вылетевшие с нее повозки оставшимся в живых солдатам было не под силу. Младший магистр Этьен, вылечив всех, кого смог, в том числе генерала, которому шальная пуля оцарапала плечо, и мою голову, невозмутимо заплел длинные волосы в косу и заявил, что на сегодня он исчерпал силы.

– Мне нужен отдых. Сон и еда. Завтра с утра я уберу дерево и верну на дорогу все машины без проблем.

– Сон? В этом проклятом лесу? – полковник Ридд хмуро посмотрел на темную стену деревьев, словно выискивая взглядом притаившегося варга. – Что ж, удачи нам всем. Кто проснется живым, не забудьте закопать остальных в землю, прежде чем уйти.

– Не нагнетайте, полковник, – осадил его генерал. – Варги боятся огня. Разведем костры вокруг лагеря и поставим дозорных, которые будут за ними следить.

– Вашими стараниями у нас всего четыре солдата осталось, – непочтительно огрызнулся Ридд. – Да нас трое. Плюс гражданский и толпа девиц, которых надо сторожить, чтобы не разбежались.

– Не разбегутся, – холодно и уверенно заявил генерал, снова бросив на нас безразличный взгляд. – Заберем у них обувь. Босиком ночью в лесу, в котором бродят варги, ни одна из них добровольно лагерь не покинет.

Когда он это говорил, я мысленно согласилась с ним, но сейчас, слушая Наду, склонялась к мысли, что варги не так страшны, как тот, кто ждет нас в столице Варная.

– А что такого извращенного он делает? – почти шепотом спросила совсем еще юная девчушка, светловолосая и сероглазая. Ее звали Кристин.

Нада подняла на нее хмурый взгляд.

– То, что ни один порядочный мужчина, чтящий Тмара, с женщиной делать не станет. Если тебя отберут, сама узнаешь.

Я едва не подавилась чаем. Военные не планировали делать привал, поэтому никаких особых припасов с собой не везли. Только чай и небольшие брикеты из злаков и сушеных ягод, слепленных между собой медом. По крайней мере, это то, что досталось нам. Самим варнайцам, сидевшим вокруг отдельного костра, могло достаться больше.

– А что, могут не отобрать? – осторожно уточнила я.

– Могут, – кивнула Нада. – Сначала девушек отбирает этот господин, – она едва заметно кивнула в сторону Драгза, – а потом Магистр выбирает уже из предложенного на свой вкус.

– И что делают с теми, кто ему не понравился? – едва слышно спросила еще одна девушка с такими же пепельными волосами, как у генеральского адъютанта. У нее было какое-то цветочное имя, то ли Лилия, то ли Роза, я не запомнила. – Их отпускают?

В ее голосе прозвучала надежда, которая тут же отозвалась эхом в моем сердце. Если так, то у меня есть шанс избежать страшной участи. В конце концов, я действительно уже не так молода и свежа, как другие. Измотана работой, ранними подъемами и бесконечной беготней по шоколаднице, когда и присесть-то нет времени. Я старая. На моих руках сохнет и трескается кожа, под глазами залегли тени. Весь последний год ко мне уже никто не сватался. Почти. Пару раз интерес проявили вдовцы вроде отца. И когда я отказала, последний оскорбленно дернул плечом и заявил: «Так и

сгниешь одна. Кому еще через год ты будешь нужна?» Я искренне считала, что лучше уж сгнить одной, чем ложиться в постель к такому.

Так, может быть, возраст защитит меня от притязаний Магистра?

Я осторожно скосила глаза на костер варнайцев: не слушают ли нас? Вдруг решат, что мы тут побег обсуждаем?

Из меня моментально вышибло дыхание. Генерал Шелтер о чем-то тихо переговаривался с магистром Этьеном, и оба бросали в мою сторону взгляды, только маг делал это быстро и максимально незаметно, а генерал не стеснялся прожигать темными глазами насквозь. Как и все, он сидел у костра на земле, длинные ноги заметно ему мешали. Мундир был расстегнут, волосы взъерошены. В руках он держал кружку с дымящимся чаем, но не подносил ее к губам, словно забыл о ней.

Следовало отвернуться. Сразу, быстро, даже не показывать, что заметила его взгляд, но я не смогла. Словно он снова держал меня за подбородок и заставлял смотреть на себя, в темные, сейчас по-настоящему черные, глаза. Показалось, что я уже никогда не смогу отвернуться, никогда не смогу отвести взгляд, что он проглотит меня, выпьет душу как настоящий демон. По телу прокатилась дрожь ужаса и отвращения.

Все еще глядя на генерала Шелтера, мысленно я снова увидела молодого солдата. Того, что смотрел на меня, похот-

ливо улыбаясь. Да, в тот момент он был мне отвратителен, но я не ожидала, что минуту спустя ему хладнокровно прострелят голову. Вот только что он жил: смотрел, улыбался, вероятно, что-то там фантазировал, его сердце билось, он дышал... И все. Одна ошибка – и он мертв. Без разбирательств, без шанса оправдаться.

С той секунды, когда мертвое тело рухнуло практически к моим ногам, генерал Шелтер перестал казаться мне воплощением мужской силы и грубой красоты. Он стал воплощением смерти и ужаса, жестокости и беспощадности – и в этом я не видела ничего красивого или хотя бы просто привлекательного. Стало понятно, что одно неверное движение, слово или жест – и он точно так же растопчет мою жизнь. По щелчку пальцев, без угрызений совести и сожалений.

Шелтер моргнул, отвернулся – и наваждение пропало. Я наконец смогла вдохнуть.

Как долго я просидела, не дыша? Мне показалось, что прошла пара минут, но судя по разговору – мелькнуло лишь мгновение.

– Мечтай! – фыркнула Нада в ответ на вопрос пепельно-волосой девушки. – Все, кто не понравился Магистру, идут в качестве развлечения дворцовой страже. И еще неизвестно, что хуже: ночь с восставшим из мертвых или с десятком разных мужчин.

Рядом кто-то испуганно заплакал, но я не разглядела кто. Я смотрела на огонь, мои глаза тоже заволакивала пелена

слез. Великий Тмар, ну почему, когда повозка пыталась перевернуться, я не разбила голову насмерть? Зачем все еще жива? За что мне это? За брезгливость? За то, что не захотела жить, как все женщины живут в Оринграде? Как все это вынести? Или как спастись от страшной участи?

– А если выживешь? – вдруг спросила сидящая рядом со мной Амаранта, девушка с необычным разрезом глаз и черными, как у Шелтера, волосами. Тоже еще совсем молоденькая, но на вид боевая. – Если Магистр выберет тебя, но ты выживешь после ночи с ним? Не сойдешь с ума от страха и отвращения. Ему за эти годы навезли много женщин и продолжают привозить. Не может же он спать по-прежнему со всеми. Наверняка со временем игрушка ему надоедает. Что происходит тогда? Ее отпускают?

– Ее скармливают дракону, – раздался над нами мрачный и серьезный голос.

Мы все как одна вздрогнули и охнули, отшатнувшись. Когда Шелтер успел встать и подойти? Почему никто этого не заметил? Он стоял рядом со мной и Амарантой. Та настороженно отползла, а я не смогла пошевелиться, словно парализованная его близостью. И хотя сейчас генерал не держал меня взглядом, а скользил им по всей «коллекции», я все равно смотрела на него, запрокинув голову. И лишь боковым зрением видела, что адъютант стоит рядом со своим генералом.

– Драконов не существует, – неожиданно для самой себя возразила я. – Это сказки.

Вот зачем? Шелтер опустил глаза, под его взглядом я сразу почувствовала себя очень маленькой и бессмысленной. Примерно как букашечка. Генерал возвышался надо мной как гора, стоял, скрестив сильные руки на широкой груди, и снова давил взглядом, пытаюсь размазать по земле за внезапную дерзость.

– Думаешь? – он не улыбался, но его голос прозвучал насмешливо. – Возможно, ты просто не все знаешь о мире и Варнайском Магистрате.

Рядом раздался какой-то звук, и я неожиданно легко перевела взгляд на Морана. У того глаза не улыбались, а откровенно смеялись. Он прижимал ко рту кулак, пытаюсь удержать рвущийся наружу смех, но плечи все равно предательски вздрагивали.

Интересно, что смешного он во всем этом находит? Или у варнайцев такое странное чувство юмора?

– Ладно, девушки, марш в палатку, – велел вдруг генерал. – И желательно спать, а не рассказывать друг другу страшилки. Обувь снимайте и оставляйте у входа. Утром получите обратно.

Ослушаться никто не посмел.

Глава 6

Палатка не предполагала размещения семи человек, даже если это хрупкие девушки, но зато нам было не холодно. Было душно. Я оказалась у самой дальней стены, и поначалу меня охватила паника. Подумалось, что тут воздух кончится быстрее всего, и к утру я задохнусь. Однако вскоре обнаружилось, что плотная водонепроницаемая ткань палатки крепится к земле лишь в отдельных местах, а между ними ее можно приподнять – она неплохо тянулась – и дышать. В эту щель, конечно, дуло, отчего ноги в тонких, местами уже порванных чулках покрывались мурашками, но зато я чувствовала приток свежего воздуха, что немного успокаивало.

Совсем немного, потому что будущее сейчас виделось таким же темным и безрадостным, как холодные глаза генерала Шелтера. Рассказ Нады поселился в груди холодной змеей. Она ворочалась, складывалась кольцами, шипела и жалила изнутри, медленно убивая. Слишком медленно. Одинаково пугала как перспектива ночи с некромантом, так и вероятность стать игрушкой на ночь для толпы стражников.

Надо было выйти замуж. Да, пришлось бы терпеть пощечины и подзатыльники, как терпела моя мать. И она, и Анна Кроули в свое время терпели. И обе спали с мужчинами, с которыми не очень-то хотелось спать. Никто не умер. Зато своим браком они были защищены от любых других притя-

заний, пользовались почетом и уважением в обществе.

Впрочем, нет. Мама умерла. И мне до сих пор казалось, что умерла она именно от тоски жизни с нелюбимым человеком. Но все равно это не то же самое, что бесчестие, насилие и издевательства в чужой стране. У нее хотя бы была я, и какое-то время мы были по-настоящему счастливы вместе.

А что будет у меня?

От этой мысли дышать снова стало тяжело: душили слезы. Я приподняла ткань палатки выше, прижалась к зазору лицом, подставляя его холодному ночному воздуху. В лагере уже все стихло, только двое караульных остались бдеть: следить за кострами, которые должны отпугивать варгов. Сейчас они, судя по приглушенным голосам, сидели в центре небольшой поляны, на которой разбили лагерь, у костра.

Я вдруг поняла, что если приподнять ткань еще немного, то я смогу вылезти из палатки с той стороны, с которой меня не увидят.

«Босиком ночью в лесу, в котором бродят варги, ни одна из них добровольно лагерь не покинет», – сказал генерал. И был прав: это сущее самоубийство. Шансов выжить почти нет, но их все равно чуть-чуть больше, чем в столице Варнайского Магистрата. Я не смогу жить ни после ночи с Магистром, ни после ночи с дворцовой стражей. Поруганная честь лишит меня возможности хоть когда-нибудь вернуться к отцу и – что гораздо хуже – покровительства Тмара. Да и просто я стану противна сама себе, останется лишь один

путь: все-таки сигануть вниз с ближайшего достаточно высокого обрыва.

Так зачем проходить через это, если можно попытаться сбежать сейчас? Да, босиком по лесу. Да, рискуя угодить в пасти варгам. Но отсюда я еще могла вернуться в Оринград. Малюсенький шанс все-таки оставался. Мы уехали далеко, но пока еще расстояние можно одолеть пешком. Пока еще я могла вернуться в отцовский дом.

Варнайцы не станут преследовать. Если только удастся нырнуть в темноту леса незаметно для караульных. Никто просто не сможет меня найти. Да и искать не будут. У них нет собак, которые могли бы взять след, а я далеко не так важна для коллекции, чтобы тратить на мои поиски драгоценное время генерала Шелтера, который очень торопится в столицу.

Убедив себя, я попыталась просунуть голову в щель между землей и незакрепленным краем палатки. Соседка, которая, несмотря на все волнения, спала, недовольно заворочалась из-за моей возни. Я замерла, стараясь не дышать и дожидаясь, когда она успокоится. А то еще поднимет шум случайно, привлечет внимание караула...

То ли Лилия, то ли Роза не проснулась. И тогда я продолжила попытки. Однако зазор между тканью и землей оказался слишком мал. И лежала я так, что не извернуться, не выползти. Вот если бы вынуть из земли один из колышков, державших край, и сделать зазор побольше...

Мне повезло. Ближний крепеж был вбит в землю на совесть, но вот дальний... Дальний угодил в более рыхлую почву, у меня хватило сил вытащить его. Прижимаясь к земле, словно та змея, я передвинулась внутри палатки, чтобы приблизиться к расширившемуся зазору, и осторожно выползла, то и дело холодея от ужаса. Мне все казалось, что сейчас я дерну палатку слишком сильно – и та рухнет. Или караульные пойдут обходить костры не вовремя...

Но снова повезло: я вылезла из палатки, не обрушив ее и никого не разбудив, а солдаты продолжали тихо переговариваться, сидя у костра. Палатка скрывала их от меня, а меня – от них. Костры защитного круга горели достаточно ярко, чтобы ими не пришлось скоро заниматься. Оставалось надеяться, что их свет не выдаст меня варнайцам.

Для верности, чтобы не лишиться прикрытия палатки, я не стала вставать, а поползла на четвереньках, не обращая внимания на мелкие камушки, острые веточки и колючие шишки, которые попадались то под ладонью, то под коленкой. Поднялась на ноги лишь тогда, когда добралась до деревьев и смогла спрятаться за одним из них.

Перевела дыхание, успокаивая сердце и прислушиваясь. Голоса караульных все еще доносились до меня: парни перекидывались отрывистыми фразами, которые я не могла разобрать, время от времени приглушенно смеялись.

«Интересно, что им будет за мой побег?»

Непрошенная мысль на мгновение парализовала.

– *Куда ты смотрел?*

– *Виноват, господин генерал. Отвлекся.*

– *Тебе же хуже...*

Я снова услышала звук выстрела и глухое падение тела на землю как наяву.

«Нет, – попыталась я убедить себя. – Нет, он не станет. Их осталось мало, он не станет их убивать».

В любом случае сейчас я была не готова принести в жертву свой последний крохотный шанс на спасение ради жизней этих ребят. Никто из них не жалел меня, почему я должна жалеть их?

Избавившись от последних сомнений, осторожно шагнула глубже в лес, закусывая от боли губу: босую ногу кололо так, словно я ступила ею на битое стекло. Но надо молчать, не охать, не торопиться, чтобы не шуметь. Сначала отойти подальше.

Шуметь и двигаться быстрее позволила себе только тогда, когда свет костров и звуки голосов окончательно исчезли. Я осталась один на один с ночным лесом. Вот теперь можно дышать, не сдерживаясь, торопливо переставлять ноги и звучно охать, натываясь ногой на что-нибудь слишком твердое или колючее.

Где дорога, я примерно понимала, но знала, что на нее выходить нельзя. Лучше двигаться параллельно, сквозь лес. На дороге меня будет легко найти и догнать. Повозки варнаицев двигаются очень уж резво, несмотря на громоздкость

и тяжесть.

Однако очень скоро стало понятно, что лес если не убьет меня, то искалечит. Ветки то и дело цеплялись за волосы и за одежду, несколько раз я едва не выколола себе глаз, не заметив в темноте хитрый сучок. Ступни уже не чувствовали ни шишек, ни камней, ни веточек, каждый шаг просто пробивал жгучей болью всю ногу. Теперь я шла не по битому стеклу, а как в огне. Еще немного – и уже не смогу наступать.

Я решила все же выйти на дорогу. Если за мной погонятся на повозке, я услышу ее тарыхтение издалека и успею спрятаться. Однако там, где должна была находиться дорога, ее не оказалось. Сколько бы я ни шла, мне никак не удавалось на нее выйти.

Ужасное осознание свалилось тяжелым камнем, придавливая к земле: я заблудилась. Возможно, иду вообще не туда, не к Оринграду, а лишь ухожу глубже в лес. Я обессиленно упала на колени, чувствуя, как по щекам катятся немые слезы, а грудь сдавливает и охватывает огнем. Я с трудом втянула в себя воздух, позволяя громкому рыданию прозвучать в тишине ночи.

Что ж, шанс был мал, я знала это с самого начала. Попробовала и проиграла. Какая разница? Уж лучше так, чем во дворце Великого Магистра. Уж лучше здесь, чем в чужом краю. Пусть мне не удалось сберечь жизнь, но я сберегла честь. Тмар должен быть добр ко мне и забрать к себе уже скоро.

Оставалось только лечь, свернуться калачиком и дождаться этого момента, потому что идти теперь было некуда и незачем. Да и силы кончились. Зачем терпеть боль от каждого шага? Хотелось лечь, уснуть и больше не проснуться.

Тихое рычание рядом внезапно оборвало мои рыдания. В кустах что-то зашуршало, я вскинула голову, покрутила ею и остановила взгляд на паре горящих в темноте глаз. Варг. Как минимум один. Глаза сразу исчезли, видимо, он уже учуял меня или услышал, но пока не нашел в темноте, осматривается.

Что-то древнее и мощное внутри заставило замереть, затаиться, не издавать ни звука. Эта нечто было сильнее страха, сильнее боли, сильнее слабости. Желание жить. Жить любой ценой, бороться за каждый вздох до конца. Тмар не послал бы мне такую страшную смерть. Значит, мне было рано сдаваться.

Я снова поползла на четвереньках. Медленно-медленно, едва слышно, прижимаясь к земле настолько, насколько могла. Беззвучно дыша и морщась от боли тоже без единого звука. Лишь отойдя на приличное расстояние, не выдержала, вскочила и побежала. Ноги снова горели, но я не обращала внимания. Шорохи за спиной красноречиво давали понять, что меня преследуют.

Легкие разрывало, ног я почти не чувствовала, дороги перед собой не разбирала, просто бежала, пока могла. Пока не зацепилась за что-то и не рухнула плашмя, едва успев под-

ставить и без того расцарапанные ладони.

Надо было встать. Встать и бежать дальше. Или найти себе укрытие, потому что растянулась я в самом неподходящем месте: на плешке, где по какой-то причине росла только трава. Слишком открытое пространство, я оказалась вся на виду. Посреди плешки высилось очень-очень старое, судя по толщине ствола, дерево с раскидистой кроной, шатром накрывшей почти всю поляну. Возможно, именно из-за него здесь не росло ничего, кроме травы: оно вытеснило более мелкие деревья и кусты.

Нижняя ветка находилась высоко, но если подпрыгнуть, то я могла бы за нее зацепиться. Если упереться ногами в ствол, смогу подтянуться и забраться на нее. А потом еще немного выше. Там варги не достанут: они не умеют лазить по деревьям.

Я попыталась встать, но не удержалась и с пронзительным вскриком снова рухнула на землю, заплакав еще горше, чем раньше. Пришлось снова ползти на четвереньках, но удалось лишь добраться до дерева и привалиться к нему спиной. Ни подпрыгнуть, ни даже просто встать на ноги я не могла, а парочка варгов уже появилась из-за кустов, рыча и брызжа слюной.

Они были похожи на диких собак, если бы только строе-ние собачьего тела позволяло им вставать на задние лапы и бегать на них. Передние тоже больше походили на человеческие руки с огромными когтями, острыми как бритвы. За-

то морды были абсолютно собачьи. И сейчас они скалились, обнажая ряды белоснежных клыков.

– Стойте, стойте, стойте, – в отчаянии зашептала я, вжимаясь спиной в дерево. – Не подходите, стойте, где стоите.

Я шептала и шептала, понимая бесполезность едва слышной мольбы, но просто не могла перестать. Варги почему-то медлили, и казалось, что если я замолчу, то они точно бросятся. Звери из пекла и так постепенно подбирались ко мне, как будто их что-то сдерживало, но они преодолевали невидимую силу.

Тому, который приближался быстрее, оставалось всего несколько шагов, когда прямо перед ним в землю ударил огненный сгусток. Сухие ветки мгновенно вспыхнули, так же быстро прогорая, в траве остался выжженный след. Варг рыкнул и отпрянул, удивленно хлопая глазами. Секунду спустя перед ним приземлился еще один огненный сгусток, заставив отскочить назад и болезненно заскулить: на этот раз сухой сор вспыхнул более яростно, опалив твари морду.

Оба варга обернулись на внезапную угрозу. И я вместе с ними. У края плешки стоял генерал Шелтер. Мундир был застегнут лишь на часть пуговиц, волосы оставались все такими же растрепанными, а в ладони перекатывалось пламя, готовое сорваться с нее в любой момент.

– Прочь, – лаконично велел Шелтер, глядя в глаза зверю.

Варг зарычал, ощерившись, и Шелтер кинул в него еще один сгусток пламени, на этот раз серьезно подпалив бок.

Еще одно пронзительное скуление – и обе твари повернулись и скрылись в кустах.

Я им даже позавидовала, потому что в отличие от варгов отползти в кусты не могла, а Шелтер шагнул ко мне, грозный и неотвратимый, словно сама смерть. Подошел, присел на корточки, окинул пристальным взглядом. В темноте, в неверном свете звезд и луны, его глаза поблескивали.

– Ну что, далеко убежала? – спросил он. Голос его прозвучал грубо, но тихо.

Я торопливо вытерла щеки и шмыгнула носом, стараясь привести себя в более или менее приличный вид. Пусть даже в темноте меня толком не рассмотреть. Я снова была во власти варнайца, но выглядеть побежденной не хотела.

– Уж как смогла, – хрипло отозвалась я. – Как вы меня нашли?

– Земля подсказала, – лаконично объяснил Шелтер.

Я соединила его ответ с воспоминанием о перекатывающемся в ладони пламени и ахнула:

– Вы маг? Стихийник.

– Молодец, – все тем же низким и тихим голосом отметил генерал. В его тоне мне почудилась усмешка.

– Тогда почему вы военный? Почему не в магистерской ложе?

– Потому.

Исчерпывающий ответ.

– Какие стихии? – зачем-то поинтересовалась я.

Минимум две – это он уже продемонстрировал.

– Все.

И еще один короткий, но вполне ясный ответ.

– Зачем ты сбежала? – вдруг спросил генерал. – Так жить надоело?

– Жить? – возмутилась я, лишь краем сознания удивляясь тому, что у меня остались силы на возмущение. – Вы везете меня к бесчестию и смерти. Я просто пыталась использовать свой последний шанс на спасение.

Внезапно взметнулось яркое пламя. Настолько внезапно и настолько яркое, что я вздрогнула и на секунду испуганно зажмурилась. Снова открыла глаза, когда огонек стал меньше и уже не слепил. Он прыгал на ладони генерала, освещая нас обоих и часть поляны. Я заметила, что в волосах Шелтера запуталась пара мелких тонких веточек.

Одному Тмару было известно, что такого генерал разглядел во мне, но когда он снова заговорил, тон его смягчился:

– Да ничего с тобой там не случится такого. Магистр никакой не некромант и уж тем более не живой труп. Он не молод уже, конечно, и едва ли ты сочтешь его привлекательным, но он обычный мужчина с сексуальной дисфункцией.

– С чем? – не поняла я, но внутренне напряглась: звучало устрашающе.

По губам Шелтера все-таки скользнула усмешка.

– Не встает у него больше пары раз на одну и ту же женщину.

Объяснил так объяснил. Что не встает? Причем тут какие-то функции?

Генерал тяжело вздохнул и покачал головой, пробормотав:

– Надо же, действительно невинна.

Как будто до сих пор в этом сомневался! Как бы я тогда прошла их извращенную проверку? От воспоминаний об «осмотре» у меня загорелось лицо.

– В общем, пару раз он тебя тра... Кхм... Пару раз он с тобой переспит, и отправишься на все четыре стороны. Содержать всех женщин, привезенных ему за годы завоеваний, Магистру не по карману. Поскольку после пары совместных ночей вы теряете для него ценность, то самое долгое через полгода вас отпускают. От тебя не убудет. Подозреваю, что приятного мало, но еще ни одна девица не умерла в процессе, насколько мне известно. А если не пройдешь отбор, так и вовсе выгонят. Никто не отдает девушек, предназначенных Магистру, его страже. Разве что кому-то из Верхней Лужи в качестве особого подарка правителя, но это редкость. Правда, ты, кажется, понравилась Драгзу, судя по тому, что он тебя отобрал. Поэтому если Магистр откажется, тебя, скорее всего, на какое-то время возьмет себе он. Поиграет и отпустит. Сможешь вернуться домой.

С каждым его словом сердце ухало все тяжелее. Он говорил так расслабленно, даже немного успокаивающе, но эффект получался обратный.

– И про дракона я пошутил, конечно, – добавил Шелтер, видимо, замечая, что его слова меня не утешают.

– Вы не понимаете, – я подалась вперед, охваченная внезапной надеждой.

Может быть, он не так уж жесток, раз пытается успокоить? Может быть, если я объясню ему, чем мне грозит в будущем роль постельной игрушки – неважно, Магистра или Драгза – он смилостивится и отпустит?

– Если я проведу хотя бы одну ночь с тем или с другим, я уже никогда не смогу вернуться домой. В глазах оринградцев я стану падшей женщиной, шлюхой, отвергнутой Тмаром, которой зазорно подать руку. Я больше никогда не смогу заниматься делом, которым занималась, даже родной отец не пустит меня на порог. Останется только просить милостыню. Или идти в сиранский бордель. А если я, не приведи Тмар, понесу, то мне даже у ворот города появиться будет нельзя. Меня просто забьют камнями!

Его бровь на мгновение дернулась, выдавая удивление, но тут же вернулась обратно.

– Это у вас такие законы?

– Это у нас такие традиции.

То, что Оринград сохранял независимость от Сиранской Республики, позволяло горожанам жить по законам и традициям, сложившимся несколько веков назад. И хотя многим они не нравились, мало кто осмеливался протестовать вслух, ведь все они основывались на учении Тмара. И пойти против

традиций значило пойти против самого бога.

– Жестко, – лаконично прокомментировал Шелтер.

И это снова ободрило: шанс разжалобить его перестал казаться таким призрачным.

– Генерал, умоляю вас, – произнесла я как можно просительнее, уже не пытаясь прятать собирающиеся в глазах слезы. Учитывая, как страшно и больно мне было, они собирались там легко и естественно. – Отпустите. Скажите, что не нашли. Или что варги меня сожрали. Пожалуйста! Магистру я все равно придется не по вкусу. А сейчас я еще могу вернуться домой. Умоляю...

Шелтер снова пробежал по мне взглядом, от макушки до ступней. На последнем задержался. Внезапно схватил за лодыжку и приподнял ногу, поднося ладонь с горящим в ней огнем ближе.

Я вздрогнула и непроизвольно прижала перепачканный подол платья к бедрам, словно генерал пытался под него залезть. Хотя на самом деле он не пытался даже заглянуть. Лишь странное ощущение пробежало по телу от того места, где он коснулся меня, к низу живота. Похожее на ласкающее прикосновение, но такое невесомое, будто ласкал ветер.

– Даже если я тебя отпущу, идти ты не сможешь, – вынес Шелтер вердикт, отпуская ногу. – Удивлен, что тебе удалось уйти так далеко.

– Я смогу! – в отчаянии пообещала я. – Я доползу... Если вы подскажете мне направление.

Он просветил меня еще одним тяжелым взглядом. Навылет. До костей. До внутренностей. Прижимай – не прижимай подол, а он все равно увидит все, что захочет. Оценивает, доползу ли?

– А что мне за это будет? – вдруг огорошил он вопросом.

– Что?

– Да, что? Что я с этого буду иметь?

Я растерялась. Что можно предложить такому, как он? Деньги? У него их наверняка больше, чем я смогу заработать за всю жизнь.

– Я буду молиться за вас Тмару, – неуверенно пообещала я. – До конца жизни буду его за вас просить.

Генерал Шелтер снова презрительно усмехнулся.

– То есть еще часа полтора в лучшем случае, – пробормотал он и покачал головой. – Тебе нечего мне предложить, девочка. Поэтому снимай чулки.

У меня перехватило дыхание. Снимай... что?

– Зачем? – онемевшими губами уточнила я.

Шелтер раздраженно закатил глаза.

– Затем, что у тебя на месте ступней – кровавое месиво, – жестко отчеканил он. – А чулки местами еще целы. Когда все это подсохнет, отдирать будет очень больно. Сейчас снять проще.

Он сжал ладонь в кулак, гася горящий на ней огонь. Снова стало достаточно темно, чтобы я смогла залезть себе под юбку и отцепить чулки от пояса. Стянула, нерешительно ском-

кала их в руках. Шелтер заметил это, отобрал пропитавшийся кровью комок и одним быстрым движением спалил дотла.

А потом взял меня на руки. Я вновь задохнулась, но на этот раз от изумления, растерялась, не зная, как реагировать. Генерал Варнайского Магистрата по прозвищу «Кровавый» подхватил меня как пушинку, но пушинку отчего-то ценную, потому что в его руках оказалось удобно и тепло. От мужчины, хладнокровно застрелившего собственного солдата, я ожидала чего-то более brutального. Даже если он решил, что идти я не могу или буду идти слишком медленно. Я поняла бы, если бы он перекинул меня через плечо головой вниз. Или схватил за волосы и потащил волоком по земле.

Но Шелтер взял меня на руки как принцессу из детской сказки. От незнакомых ощущений – а на руках меня последний раз носила мама, но в таком глубоком детстве, что теперь уже было и не вспомнить – сердце вновь забилось быстрее. Не так, как от бега по лесу или страха. Меня прижало к горячему телу, и только сейчас я поняла, насколько замерзла. Захотелось вдруг прильнуть к нему теснее, чтобы согреться, положить голову на плечо, блаженно задремать, вдыхая яркий аромат крепкого и необычного табака, который исходил от мундира.

Но я, конечно, лишь нерешительно замерла, прижимая ладони к груди и задерживая дыхание, глядя на его лицо, очутившееся вдруг так близко, сквозь ночную полутьму. Точнее, глядя на ту половину, что была видна. Впрочем, вто-

рая, как я подозревала, была похожа на такую же непроницаемую маску. На лице Шелтера не отражалось никаких эмоций. Он просто шел, глядя перед собой, ступал легко и уверенно, словно мой вес для него ничего не значил, а глаза прекрасно видели в темноте, безошибочно определяя направление к лагерю. Может быть, генерала вела земля, как привела она его ко мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.